ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГАЗЕТА ОФФИЦІАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ПО ВТОРНИКАМЪ, ЧЕТВЕРГАМЪ И СУББОТАМЪ.

Цѣна: за годъ 10 р., съ пересылкою 12 р.
За полгода . 5 — — 6 —
За 3 мѣсяца . 3 — — 3 р. 50 к.
За 1 мѣсяцъ . 1 —

При Виленскомъ Вѣстникѣ выходитъ одинъ разъ въ недѣлю, по пятницамъ, *Виленскій Полицейскій Листокъ*. Цѣна за годъ 3 р., съ пересылкою 4 р. Лица, выписывающія Виленскій Вѣстникъ, за пересылку *Листка* ничего не платятъ.

N. 27. ВТОРНИКЪ 10-го Марта 1864.

Контора редакціи въ Вильнѣ, насупротивъ дворца, въ гимназіальномъ зданіи.

За троекратныя объявленія, какъ казенныя, такъ и частныя, взимается за строку 17 к. сер.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій взимается за 1000 экз., въ полъ листа 2 р., въ листъ 4 р. с.

СОДЕРЖАНІЕ.

Всеподданнѣйшія письма.—Высочайшія повелѣнія.—Циркуляръ министра финанс.—Выписка изъ журн. главн. ком. объ устр. сельскаго сост.—Приказы минист. внутр. дѣлъ.—Перем. по службѣ.—О недозв. въ аптекахъ приготов. эссенц. для сост. водокъ.—Распор. Виленс. Губ. Прав.—Смертныя казни.—Вильно.—Изъ царст. Польск.—Иностр. Извѣстія: Общее обозр.—Франція.—Греція.—Телеграф. депеши.—Литератур. отдѣлъ.—Ист. зам. о Литвѣ.—Елена В. Кн. Лит.—Петролеумъ.—Смѣсь. Метеорол. наблюд.—Объявленія.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Ст. Петербургъ, 9-го марта.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО.

Отъ Забайкальскаго казачьяго войска.

Всеавгустѣйшій ГОСУДАРЬ!

„До насъ, отдаленныхъ забайкальскихъ казаковъ, дошли слухи о злыхъ замыслахъ мятежныхъ поляковъ и объ обѣщанной имъ иностранными державами помощи въ ущербъ Твоей, ГОСУДАРЬ, власти, цѣлости и спокойствія нашего отечества.

„Тронутые сими слухами до глубины души, мы забайкальцы, единодушно, отъ стараго до малаго, спѣшимъ заявить Тебѣ, ГОСУДАРЬ, что по первому Твоему повелѣнію, мы готовы ополчиться на защиту священныхъ правъ Твоихъ и нашего отечества, не щадя живота своего до послѣдней капли крови.

„Желали бы мы искренно нынѣ же сразиться съ мятежными врагами, но отдаленность обитаемой нами страны лишаетъ насъ возможности исполнить это, а потому мы, отъ лица всего нашего сословія осмѣливаемся всеподданнѣйше просить Твоего, ГОСУДАРЬ, повелѣнія о составленіи нынѣ изъ среды нашей одного сводного баталіона для участвованія, по примѣру другихъ казачьихъ войскъ, въ военныхъ дѣлахъ въ царствѣ польскомъ и заслужить Всемилостивѣйше дарованныя намъ, при сформированіи войска, знамена.

„Не отвергни, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, простыхъ, но искреннихъ чувствъ и усердія Твоихъ вѣрноподданныхъ забайкальскихъ казаковъ,

„Избранные отъ войска депутаты“ (слѣдуетъ восемь подписей),

Января 12 дня 1864 г. Г. Чита.

(Сѣв. Поч. № 53)

Кромѣ того ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ представлены всеподданнѣйшія письма.

Отъ еврейскихъ обществъ губерній: *Витебской*, — Велижскаго уѣзда, *Ковенской*, Россіенскаго уѣзда;—старообрядцевъ: *Ковенской* губерніи и уѣзда, Римковскаго прихода, и г. Ковно съ окрестными мѣстами;—крестьянъ-собственниковъ Красносельской волости, и губерній: *Витебской*, Себежскаго уѣзда, Могилянской волости; *Ковенской*, Вилкомірскаго уѣзда, Вепржовской вол.; *Кіевской*, Радомысльскаго уѣзда, волостей: Вышевичской, Заболотнянской, Кепринской, Мигальской и Хабенской;—временно-обязанныхъ крестьянъ *Новгородской* губер., Демьянскаго уѣзда, Черноручской волости.

Евреи г. Велижа пожертвовали въ пользу пострадавшихъ отъ мятежа 400 руб.

(Сѣв. Поч. № 53)

Представлены всеподданнѣйшіе адрессы: отъ жителей гг. Козегловы, Кромоловъ, Влодовицы, Жарки, Мржиглодъ, Яновъ, Сѣвержъ, Челядзь и Бендзинъ, отъ чиновниковъ таможни Сосновскъ и 38 гминъ, съ 2,818 подписями; отъ жителей гмины Селюнь, Пултусскаго уѣзда съ 50 подписями; отъ жителей разныхъ городовъ и гминъ Велюньскаго уѣзда съ 2,489 подписями; отъ жителей дер. Вержбица, Пултусскаго уѣзда съ 56 подписями.

(Рус. Инв. № 51).

По Высочайшемъ утвержденіи ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ предположенія министра внутреннихъ дѣлъ о повсемѣстномъ сборѣ въ имперіи добровольныхъ приношеній на устройство православныхъ церквей и народныхъ школъ въ западныхъ губерніяхъ и о мѣрахъ къ сосредоточенію ожидаемыхъ на сей предметъ пожертвованій, для употребленія ихъ по назначенію, всеподданнѣйше доведено было, 21-го числа минувшаго февраля, министромъ внутреннихъ дѣлъ до Высочайшаго Его Величества свѣдѣнія, о возложеніи этого дѣла на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батюшкова, завѣдывающаго устройствомъ православныхъ хромовъ западнаго края.

(Рус. Инв. № 53)

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

Объ устройствѣ крестьянъ маіоратныхъ имѣній Юрбургскаго и Таурогенскаго, въ Ковенской губерніи. На основаніи Высочайше утвержденнаго 6-го декабря 1842 года положенія о маіоратныхъ имѣніяхъ, устроены на маіоратномъ правѣ два имѣнія въ Ковенской губерніи: Юрбургское и Таурогенское (3,846 душъ), которыя Высочайшимъ указомъ 17 го марта 1845 года пожалованы генералъ-адъютанту князю Васильчикову, а отъ него перешли къ его сыновьямъ князьямъ Александру и Илларіону Васильчиковымъ. По внесеніи министромъ государственныхъ имуществъ въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія предположеній своихъ, относительно устройства крестьянъ сихъ имѣній, Государь Императоръ, по положенію комитета, въ 20-й день ноября 1863 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: обязательныя отношенія крестьянъ въ означенныхъ маіоратныхъ имѣніяхъ прекратить на основаніяхъ, изложенныхъ въ журналѣ главнаго комитета, за N. 47-мъ.

(Сѣв. Поч. N. 51.)

— Циркуляръ г. министра финансовъ казеннымъ палатамъ, отъ 28-го февраля 1864 года за N. 463, относительно перечисленія мѣщанъ въ купечество.

Одна изъ казенныхъ палатъ возбудила вопросъ, какъ поступать съ лицами, состоящими въ 1-й половинѣ года въ мѣщанскомъ званіи, въ случаѣ объявленія имя желанія перейти съ 1-го іюля въ купечество: зачислять ли ихъ окончательно въ купцы, съ исключеніемъ изъ мѣщанскаго званія, или же они должны отправлять повинности по купеческому и мѣщанскому званіямъ, такъ какъ на основаніи 19 и 21 ст. т. XI уст. торг., изд. 1857 г., мѣщане могутъ переходить въ купечество только въ ноябрѣ и декабрѣ, а изъявившимъ желаніе записаться въ купечество послѣ этого срока, хотя и дозволяется производить торговлю, но такія лица остаются въ семъ случаѣ въ первобытномъ мѣщанскомъ званіи, и, не пользуясь личными правами купца, обязываются исправлять повинности по обоимъ состояніямъ.

Въ законахъ постановлено: ст. 19 и 21 торг. уст. замѣнены правилами, указанными въ Высочайше утвержденномъ, 1-го января 1863 г., положеніи о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ (прод. св. зак, 1857 г., т. XI, част. II, изд. 1863 г.).

31 ст. сего положенія. Пошлины за свидѣтельства и билеты уплачиваются впередъ за будущій годъ, при выдачѣ ихъ съ 1-го ноября по 1-е января. Въ случаѣ невозобновленія свидѣтельствъ и билетовъ до 1-го января, торгующіе и промышляющіе лишаются правъ, соединенныхъ, на основаніи настоящаго положенія, съ тѣми свидѣтельствами и билетами.

Примѣчаніе. Лица, прекратившія свой торгъ или промыселъ, а равно и желающія заниматься торговлею или промыслами вновь, могутъ получать свидѣтельства и билеты въ теченіе цѣлаго года. Такія свидѣтельства и билеты имѣютъ силу со дня ихъ выдачи до 1-го января слѣдующаго года, а пошлины за нихъ взыскиваются: съ выданныхъ до 1 іюля за цѣлый годъ, а съ выданныхъ послѣ 1-го іюля за полгода.

Т. IX, ст. 552, переходъ мѣщанъ въ купечество своего или другихъ городовъ, совершается по предварительномъ увольненіи отъ ихъ общества и по объявленіи гильдейскаго капитала, съ платежемъ установленныхъ повинностей.

Уст. рекр. ст. 47, перечисленія по объявленіи набора до окончанія онаго не допускаются. Изъ правила сего допускается изъятіе лишь въ отношеніи нѣкоторыхъ лицъ, означенныхъ въ ст. 98.

Ст. 98, семейство, очереди рекрутской при объявленномъ наборѣ подлежащее, не освобождается отъ поставки рекрута даже и въ томъ случаѣ, когда бы отъ него прежде объявленія набора подано было прошеніе о запискѣ въ купечество, или о переселеніи въ другой городъ, или о переводѣ въ крестьяне, или о раздѣлѣ, а рѣшеніе о томъ надлежащей власти до объявленія текущаго набора не успѣла совершиться: всѣ сіи переходы ему обществомъ участка дозволяются, и казенною палатою или иною, по законамъ о состояніяхъ, властію разрѣшаются не прежде, какъ по исполненіи наставшей очереди.

Вообще, перечисленіе лицъ, рекрутству подлежащихъ, изъ одного мѣста или званія въ другое, въ отношеніи къ рекрутской очереди дозволяется:

1) Если лице, по числу работниковъ его семейства, не состоитъ ни на первой, ни на второй очереди.

2) Вообще одиночкамъ, и двойникамъ, кои, по статьѣ 79, сравнены съ одиночками.

3) Тѣмъ семействамъ, въ коихъ при прежнихъ наборахъ всѣ лица признаны, по лѣтамъ или по другимъ недостаткамъ, къ военной службѣ неспособными.

4) Вновь приписавшимся къ обществамъ, когда они пользуются льготою отъ рекрутской повинности, и срокъ оной еще не истекъ.

Изъ сихъ узаконеній видно, что переходъ мѣщанъ въ купечество совершается по предварительномъ увольненіи ихъ отъ общества, а получившій такое увольненіе можетъ записаться въ купечество, во всякое время, хотя бы объявлено было на это желаніе и не съ 1-го ноября по 1-е января, и что подобная записка останавливается лишь по объявленіи набора до окончанія онаго, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, которые указаны въ 98 ст. уст. рекрутскаго.

Даю объ этомъ знать казеннымъ палатамъ для надлежащаго руководства.

Подписалъ: министръ финансовъ статсъ-секретарь *Рейтернъ.*

Скрѣпилъ: управляющій департаментомъ *Наржимскій.*

(Бирж. Вѣд. N. 62)

Выписка изъ журнала главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, 12-го ноября 1863 года, за № 47-мъ.

Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, въ засѣданіи 12-го ноября 1863 года, разсматривалъ представленіе министра государственныхъ имуществъ, отъ 10-го октября 1863 года, за N. 4,039-мъ, объ устройствѣ крестьянъ маіоратныхъ имѣній Юрбургскаго и Таурогенскаго, въ Ковенской губерніи.

Главный комитетъ признавая предположенія министровъ: государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ крестьянъ маіоратныхъ имѣній Юрбургскаго и Таурогенскаго соотвѣтствующими какъ общимъ началамъ Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861-го года положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и особымъ постановленіямъ о выкупѣ крестьянами земель въ заповѣдныхъ имѣніяхъ, полагалъ, согласно съ представленіемъ министра государственныхъ имуществъ, для прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ въ означенныхъ маіоратныхъ имѣніяхъ, принять слѣдующія основанія: 1) Крестьяне маіоратныхъ имѣній Юрбургскаго и Таурогенскаго, состоящіе въ завѣдываніи ковенской палаты государственныхъ имуществъ, поступаютъ въ вѣдѣніе общихъ губернскаго и уѣзднаго правленій. Въ обществахъ сихъ крестьянъ вводятся общественное устройство и управленіе на началахъ положеній 19-го февраля 1861-го года. Мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія должны имѣть, въ отношеніи должностныхъ лицъ и вообще волостныхъ и сельскихъ обществъ крестьянъ маіоратныхъ имѣній, тѣ же права и обязанности, какія предоставлены имъ вышеозначенными положеніями въ отношеніи крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости 2) Владѣльцы означенныхъ маіоратныхъ имѣній обязаны составить уставныя грамоты на основаніи правилъ положеній 19-го февраля 1861-го года, но съ сохраненіемъ люстраціонныхъ надѣловъ, къ коимъ должны быть причислены и тѣ бывшія запасныя и требующія улучшенія земли, которыя уже поступили въ постоянный крестьянскій надѣлъ, на основаніи ст. 968-й т. IX св. зак., и съ оставленіемъ исчисленнаго по люстраціи во всѣхъ сихъ земель оброка безъ измѣненія. Прочія опредѣленныя по люстраціи обязанности крестьянъ въ пользу владѣльцевъ, какъ то: личный оброкъ съ огородниковъ и бобылей, повинность шарварковая (строительная) и обязательныя работы на общественныхъ запашкахъ, нарядъ сторожей для ночнаго караула, нарядъ людей въ должности полѣсовщиковъ и содержаніе на счетъ общества вотчиннаго управленія, отмѣняются. 3) По капитализаціи означеннаго оброка изъ 6%, исчисляется выкупная за землю крестьянскаго надѣла ссуда, которая обращается въ неприкосновенный капиталъ, входящій въ составъ маіоратныхъ имѣній, а владѣльцамъ выдается ежегодно изъ мѣстныхъ уѣздныхъ казначействъ по 5½% съ той ссуды. Затѣмъ крестьяне переходятъ въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ и уплачиваютъ выкупные платежи въ казну, на общемъ основаніи. 4) Право крестьянъ на пользованіе лѣсными матеріалами изъ владѣльческихъ дачъ прекращается. Въ замѣнъ сего отводятся имъ въ собственность изъ лѣсовъ постоянные участки въ такомъ размѣрѣ, чтобы съ нихъ, по правиламъ лѣснаго хозяйства, могло быть ежегодно вырубаемо, безъ истощенія дачъ, назначенное крестьянамъ къ отпуску количество лѣсныхъ матеріаловъ. Выкупная за такой лѣсъ ссуда опредѣляется по 6% расчету, причитающагося съ нихъ, по инвентарнымъ таксамъ, за довольство этими матеріалами, платежа. Въ отношеніи обращенія сей ссуды въ неприкосновенный капиталъ, платежа процентовъ съ оной владѣльцамъ и погашенія ссуды крестьянами, соблюдается порядокъ, установленный въ предыдущей 3-й статьѣ. 5) Если къ отводу лѣсныхъ участковъ въ собственность крестьянъ встрѣтятся особыя мѣстныя препятствія, то въ ежегодныхъ взносахъ выкупныхъ платежей за земли ихъ надѣла допускается облегченіе, соразмѣрное выгодамъ, которыя они потеряютъ отъ лишенія права на пользованіе лѣсными матеріалами изъ владѣльческихъ дачъ. Степень этихъ выгодъ опредѣляется посредствомъ сравненія стоимости матеріаловъ, получаемыхъ крестьянами по инвентарнымъ таксамъ, съ расходами на пріобрѣтеніе оныхъ покупкою по вольнымъ цѣнамъ. 6) Общественныя запашки сдаются владѣльцами въ распоряженіе крестьянскихъ обществъ, на кои затѣмъ возлагается обязанность вносить хлѣбъ на пополненіе запасовъ общественнаго хлѣба, установленнымъ порядкомъ. 7) Прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, на указанныхъ основаніяхъ, производится установленнымъ порядкомъ, черезъ мѣстную повѣрочную коммиссію, при участіи депутата со стороны управленія государственныхъ имуществъ. Государь Императоръ, на журналѣ главнаго комитета, въ 20-й день ноября 1863 года, соизволилъ написать Собственноручно: „Исполнить.“

(Сѣв. поч. N. 51.)

Приказомъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 16 м. февраля, совѣтникъ перваго отдѣленія сего правленія коллежскій совѣтникъ Янковскій, перемѣщенъ на таковую же должность въ Оренбургское губернское правленіе, а на мѣсто его назначенъ трокскій уѣздный стряпчій коллежскій ассесоръ Кандауровъ; на вакансію же Трокскаго уѣзднаго стряпчаго, согласно предложенію г. начальника губерніи, отъ 17 м. февраля за N. 1466, постановленіемъ губернскаго правленія, состоявшимся 20 февраля, перемѣщенъ для пользы службы исправляющій должность судебнаго слѣдователя 1-го участка трокскаго уѣзда коллежскій секретарь Рклицкій, а на мѣсто его назначенъ исправляющій должность судебнаго слѣдователя 2 участка Виленскаго уѣзда губернскій секретарь Александровъ, на мѣсто же сего послѣдняго назначенъ состоящій въ должности судебнаго слѣдователя 2 участка Вилейскаго уѣзда коллежскій секретарь Висленевъ.

(Сѣв. Поч. N. 53)

По случаю смерти исправл. должность Виленскаго уѣзднаго предводителя дворянства графа Сте-

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О ЛИТВѢ.

(*Соч. П. В. Кукольника.*)

(Продолженіе. См. № 26).

Въ 1481 году Казиміръ заключилъ союзъ съ Ахматомъ, послѣднимъ ханомъ Золотой орды, чтобы вмѣстѣ дѣйствовать противъ Іоанна III, отказавшагося отъ платежа дани Татарамъ. Но Ахматъ, расположась съ многочисленнымъ войскомъ на берегахъ рѣки Угры, тщетно ожидалъ помощи Казиміровой. Въ это самое время Крымскій ханъ Менгли-Гирей, вѣрный союзникъ Іоанна, напалъ на Литву, а великій князь Московскій отправилъ сильный отрядъ войскъ во внутренность Золотой орды для опустошенія ея. Ахматъ, узнавъ о томъ, обратился для защиты собственныхъ владѣній, которымъ угрожала опасность, но на дорогѣ войско его истреблено ханомъ Тюменскимъ, и самъ Ахматъ погибъ. Со смертію его, владычество Татаръ надъ Россіею кончилось.

Въ 1485 году прибылъ въ Вильно князь Тверской Михаилъ Борисовичъ. Будучи лишенъ своихъ владѣній Іоанномъ III, онъ предложилъ королю присоединеніе княжества Тверскою къ Литвѣ, если онъ поможетъ исторгнуть его изъ рукъ Іоанна. Польскіе историки увѣряютъ, что Казиміръ, будучи уже старъ, не хотѣлъ принять этого предложенія, сколько оно ни обѣщало выгодъ Литвѣ. Но гораздо вѣроятнѣе, что Казиміръ не могъ исполнить желанія Михаила. Судьба Новагорода убѣдительно доказала ему его безсиліе; а потому онъ, весьма благоразумно, не хотѣлъ подвергаться новымъ безпокойствамъ и опасностямъ, необѣщавшимъ никакого успѣха.

Въ 1492 году Казиміръ, забавляясь охотою въ окрестностяхъ Трокъ, опасно заболѣлъ и умеръ въ Гроднѣ 25 іюня.

Казиміръ оставилъ по себѣ нѣсколькихъ сыновой. Трое изъ нихъ занимали по смерти его престолы въ Литвѣ и Польшѣ; четвертый, Казиміръ, посвятивши себя совершенно благочестію, велъ труженническую жизнь и по смерти своей, западною церковью, причисленъ къ лику святыхъ. Будучи воспитанъ въ Римско-католическомъ духѣ, онъ простеръ свою благочестивую ревность за предѣлы Христіанской любви. Склонясь на просьбу его, отецъ его издалъ привиллегію, которою запретилъ строить новыя Православныя Церкви и починить ветхія. Во время пожаровъ, опустошавшихъ часть Вильно, многія православныя церкви сгорѣли. А какъ по силѣ упомянутой привиллегіи ихъ нельзя было возстановлять, то въ продолженіи двухъ столѣтій число такихъ церквей значительно уменьшилось. Въ послѣдніе годы существованія Уніи, въ Вильнѣ находился одинъ только Св. Духовскій Монастырь съ принадлежавшею къ нему теплою Благовѣщенскою церковью, да военнопоходная церковь въ домѣ военнаго губернатора. Остальныя или разрушились или захвачены были Уніатами.

Тотчасъ по смерти Казиміра Литовскіе князья и сановники, пріѣхавъ въ Вильно, рѣшились выбрать великаго князя безъ участія Польши, не смотря на многократныя повторенія этого условія. Такъ какъ сынъ умершаго короля, Александръ, находился тогда въ Вильнѣ, то прибывъ къ нему всѣ вмѣстѣ, отвели его въ костелъ Св. Станислава, и тамъ Виленскій епископъ Адальбертъ Таборъ вѣнчалъ его на великое княжество, а князья, вельможи и всѣ присутствовавшіе присягнули ему въ вѣрности.

Между тѣмъ Поляки выбрали королемъ другаго сына Казимірова, Іоанна Албрехта, къ которому Александръ въ дѣлахъ правленія вовсе не относился, и Литва, до смерти Іоанна, составляла совершенно отдѣльное государство, не смотря на съѣзды въ Парчевѣ и Вильнѣ, на которыхъ хотѣли утвердить актъ соединенія. На этихъ съѣздахъ только спорили и ссорились, и Литовцы, день ото дня видя яснѣе настоящія намѣренія Поляковъ, каждый разъ выходили изъ собранія съ сильнѣйшимъ противъ нихъ ожесточеніемъ.

Александръ чувствовалъ, что для прочнаго благоденствія или по крайней мѣрѣ для спокойствія Литвы, нужно обезпечить себя со стороны восточной Руси, чрезвычайно усилившейся и управляемой мудрымъ и дальновиднымъ государемъ. Онъ отправилъ въ Москву Станислава Глебовича для предупрежденія непріязненныхъ дѣйствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ для предложенія руки его одной изъ дочерей Іоанна Васильевича. Царь Московскій не противился этому предложенію, и потому отправлены новые послы, которые, именемъ великаго князя, уступили Іоанну нѣсколько городовъ и страну до береговъ Угры. По устраненіи разныхъ препятствій и разъясненіи недоумѣній брачный договоръ былъ подписанъ и дочь Іоанна, Елена, въ сопровожденіи своего двора и многочисленнаго посольства, прибыла въ Вильно.

Но Александръ не умѣлъ пользоваться выгодами, которыя могло пріобрѣсти его государство отъ союза съ могущественнымъ сосѣднимъ монархомъ. Внушенія Римскаго духовенства, смотрѣвшаго съ негодованіемъ на бракъ его съ православною княжною, дѣйствовали на недальнавидный умъ и слабый его характеръ столь сильно, что, увлекшись духомъ нетерпимости, онъ выпустилъ изъ виду благо своихъ подданныхъ и собственное семейное счастіе. Въ заключенномъ по этому предмету съ Іоанномъ договорѣ, который Александръ подтвердилъ клятвою, послѣдній обязался дать полную свободу вѣроисповѣданія Еленѣ, никогда не принуждать ее къ перемѣнѣ его, и устроить для ней православную церковь въ замкѣ. Не смотря на то, вопреки христіанской клятвѣ, онъ неисполнилъ своего обѣщанія, а черезъ то повергъ свое государство въ продолжительную войну, въ которой Литва понесла еще болѣе потерь нежели при Казимірѣ.

Впрочемъ встрѣча Еленѣ сдѣлана была со всѣмъ великолѣпіемъ, приличнымъ ея сану и предназначенію. Александръ выслалъ знатнѣйшихъ чиновниковъ привѣтствовать ее на пути, и самъ встрѣтилъ ее за три версты отъ города съ многочисленною свитою князей и другихъ Литовскихъ сановниковъ, и оттуда проводилъ ее въ городъ посреди безчисленной толпы народа, желавшаго взглянуть на торжественный въѣздъ будущей своей государыни. Русскіе священники и монахи, съ крестами, образами и зажженными свѣчами встрѣтили великую княжну у дверей церкви Пречистой Божіей матери, въ которую они прежде всего заѣхали. Тамъ они отслужили молебенъ, по окончаніи котораго начались свадебные обряды по Русскому обычаю. Жены Русскихъ бояръ расплели ей косу, надѣли на голову кику съ покрываломъ, осыпали ее хмѣлемъ, и повели къ жениху въ Каѳедральный костелъ, гдѣ вѣнчалъ ихъ Виленскій епископъ Адалбертъ Таборъ и прибывшій съ великою княжною Русскій священникъ Ѳома. Княгиня Ряполовская держала надъ головою невѣсты вѣнецъ, а дьякъ Кулешинъ склянницу съ виномъ.

Послѣ свадьбы начались пиры. Александръ великолѣпно угостилъ Московскихъ бояръ. Но вскорѣ возникли недоразумѣнія между двумя дворами и взаимныя жалобы. Александръ жаловался на производимые якобы Ряполовскимъ грабежи на обратномъ пути въ Москву. Это была явная клевета, потому что Ряполовскій и сопровождавшія его лица терпѣли на дорогѣ во всемъ крайній недостатокъ.

(Продолженіе впредь).

пана Плятера, къ исправленію должности здѣшняго уѣзднаго предводителя дворянства назначенъ г. генералъ-губернаторомъ бывшій Россіенскій уѣздный предводитель графъ Адамъ Плятеръ. По причинѣ полученія завѣдывающимъ Виленскою женскою гимназіею генеральнаго штаба полковникомъ Лебедевымъ другаго назначенія, г. генералъ-губернаторъ поручилъ его превосходительству передать временное управленіе этимъ заведеніемъ статскому совѣтнику Падренъ-де Карне.

Засѣдатель отъ дворянства Виленской уголовной палаты надворный совѣтникъ Дмоховскій, согласно его прошенію, уволенъ отъ сей должности, а на мѣсто его опредѣленъ въ качествѣ чиновника отъ правительства титулярный совѣтникъ баронъ Ферзенъ.

(Вил. губ. вѣд. N. 10.)

— Г. управляющимъ министерствомъ Юстиціи, секретарь канцеляріи Виленскаго военнаго генералъ-губернатора, надворный совѣтникъ Буйковъ, 21 декабря 1863 г., назначенъ исправляющимъ должность товарища предсѣдателя Могилевской палаты гражданскаго суда. (Мог. Губ. В. N. 8).

Опредѣлены: канцелярскій служитель Гродненскаго губернскаго правленія, Карлъ Хлевинскій помощникомъ экзекутора губ. правленія. Сокольскій почтмейстеръ губ. секр. Шевелевъ, старшимъ засѣдателемъ Сокольскаго уѣзднаго полицейскаго управленія. Перемѣщены: приставъ 3-го стана Волковыскаго уѣзда, маіоръ Житовъ и приставъ 5-го стана Слонимскаго уѣзда, Лакуцевскій, одинъ на мѣсто другаго. Опредѣлены: состоящій въ распоряженіи г. начальника Гродненской губерніи, колл. секр. Бронниковъ, Сокольскимъ уѣзднымъ стряпчимъ; состоящій въ распоряженіи г. начальника Гродненской губерніи, кол. рег. Львовъ, стряпчимъ Гродненской палаты государственныхъ имуществъ.

(Грод. Губ. В. N. 9).

О недозволеніи въ аптекахъ приготовленія эссенцій для составленія водокъ. Вслѣдствіе возбужденнаго нѣкоторыми управляющими питейно-акцизными сборами вопроса о томъ, можетъ ли быть дозволено въ аптекахъ приготовленіе на спиртѣ разнаго рода эссенцій и экстрактовъ и продажа оныхъ для составленія разныхъ водокъ, со стороны департамента неокладныхъ сборовъ сдѣлано было сношеніе по сему предмету съ медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Нынѣ медицинскій департаментъ увѣдомилъ, что по заключенію медицинскаго совѣта, на разсмотрѣніе коего былъ предложенъ изложенный вопросъ, приготовленіе и продажа аптекарями разнаго рода эссенцій, не употребляемыхъ въ медицинѣ и не поименованныхъ въ аптекарской таксѣ, а предназначаемыхъ исключительно для приготовленія водокъ, ликеровъ и другихъ предметовъ питейной продажи, не можетъ быть ни подъ какимъ видомъ допускаемо, а должно, какъ нарушеніе ст. 266 уст. врач., подлежать опредѣленному въ ст. 1,137 улож. о наказ. взысканію, и что вслѣдствіе сего предписано врачебнымъ управамъ не допускать въ аптекахъ приготовленія и продажи экстрактовъ и эссенцій, съ цѣлію составленія изъ нихъ различныхъ водокъ.

О такомъ распоряженіи медицинскаго департамента, департаментъ неокладныхъ сборовъ поставилъ въ извѣстность гг. управляющихъ питейно-акцизными сборами, для свѣдѣнія и надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства, циркуляромъ 22-го февраля 1864 г., N. 52.

(Сѣв. Поч. N. 50).

О наложеніи штрафа за неисполненіе предписаній, воспрещающихъ оффиціальную переписку на польскомъ языкѣ.

Въ предложеніи г. начальника губерніи, отъ 15 мин. февраля за N. 1428, изложено: циркулярными предписаніями г. главнаго начальника края, отъ 31 августа и 3 сентября 1863 года, изложенными въ § 14 втораго дополненія къ инструкціи для военно-гражданскаго управленія и извѣстными губернскому правленію изъ предложенія его, отъ 6 минувшаго сентября за N. 6508, предписано принять рѣшительныя мѣры, чтобы въ мировыхъ учрежденіяхъ, волостныхъ и сельскихъ управленіяхъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ отнюдь небыло допускаемо производство дѣлъ и веденіе оффиціальной переписки на польскомъ языкѣ, а также употребленіе неграмотными должностными лицами печатей и штемпелей съ польскими буквами. Между тѣмъ, не смотря на это, нѣкоторыя мировыя учрежденія и волостныя управленія дозволяютъ себѣ по прежнему вести оффиціальную переписку съ разными лицами на польскомъ языкѣ и принимать отъ этихъ лицъ бумаги, писанныя по польски. Вслѣдствіе сего г. генералъ-губернаторъ, отъ 12 мин. февраля за N. 6, предписалъ сдѣлать немедленно строгое подтвержденіе мировымъ учрежденіямъ, волостнымъ и сельскимъ управленіямъ, а также всѣмъ вообще присутственнымъ мѣстамъ, отдѣльнымъ управленіямъ и должностнымъ лицамъ по ввѣренной его превосходительству губерніи, о точномъ и непремѣнномъ со стороны ихъ исполненіи приведенныхъ выше распоряженій. Если же и послѣ сего обнаружится гдѣ либо отступленіе отъ предписаннаго въ оныхъ порядка, то съ виновныхъ въ принятіи и веденіи переписки на польскомъ языкѣ взыскивать штрафъ, съ присутственныхъ мѣстъ по 25 руб., а съ волостныхъ и сельскихъ управленій, а также съ должностныхъ лицъ, дѣйствующихъ отдѣльно по 10 руб. и таковыя штрафныя деньги высылать въ управленіе г. генералъ-губернатора для пріобщенія оныхъ къ капиталу, предназначенному на пособіе лицамъ и семействамъ, пострадавшимъ отъ мятежниковъ. Увѣдомляя объ этомъ губернское правленіе, г. начальникъ губерніи предложилъ сдѣлать надлежащее распоряженіе, къ точному и немедленному исполненію вышеизложеннаго предписанія г. генералъ-губернатора, всѣми присутственными мѣстами и должностными лицами Виленской губерніи, подъ строгою ихъ отвѣтственностію; наблюденіе же за точнымъ исполненіемъ настоящаго распоряженія возложилъ на губернское правленіе. Губернское правленіе, согласно этому предложенію г. начальника губерніи, постановленіемъ своимъ заключило: о содержаніи вышепрописаннаго предложенія дать знать къ точному и непремѣнному исполненію, въ дополненіе къ циркуляру губернскаго правленія, отъ 30 сентября 1863 года, всѣмъ здѣшней губерніи губернскимъ и уѣзднымъ присутственнымъ и судебнымъ мѣстамъ, Виленскому городскому и всѣмъ уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ, а чрезъ оныя частнымъ и становымъ приставамъ, а также увѣдомить Виленскія: палату государственныхъ имуществъ, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе для поставленія въ извѣстность волостныя и сельскія управленія и мировыя учрежденія.

(Вил. губ. вѣд. N. 10.)

— Доминикъ Павликъ, шинкарь изъ деревни Борки-Падуэны, гмины Ясенко, въ сѣдлецкомъ уѣздѣ, какъ политическій преступникъ, приговоромъ военнаго полеваго суда присужденъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Казнь исполнена 24-го января (6-го февраля) въ деревнѣ Борки.

(Бир. Вѣд. № 63)

КОВНО.

Отставной поручикъ Брониславъ Люгайло, по произведенному надъ нимъ военному суду, по полевому уголовному уложенію, оказался виновнымъ въ участіи въ мятежѣ въ качествѣ предводителя одной изъ мятежническихъ шаекъ въ Ковенскомъ уѣздѣ, подъ вымышленною фамиліею Черноскальскаго, въ повѣшеніи въ этомъ уѣздѣ двухъ крестьянъ и одного иностранца, въ разграбленіи общественной кассы и документовъ въ Бобтовскомъ волостномъ правленіи и въ укрывательствѣ долгое время по оставленіи шайки по подложнымъ документамъ. За эти преступленія поручикъ Люгайло, по приговору военнаго суда, разсмотрѣнному въ временномъ полевомъ аудиторіатѣ, подвергнутъ смертной казни повѣшеніемъ, 7 числа сего марта, въ 10-ть часовъ утра, въ г. Ковно.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ

ВИЛЬНО.

Помѣщикъ Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерній, владѣлецъ имѣнія Гавеновичъ—*Свѣржинскій*, желая содѣйствовать возобновленію совершенно ветхихъ построекъ для причта Гавеновичевской церкви, отпустилъ на возведеніе домовъ съ разными пристройками, лѣсной матеріалъ.

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія г. главнаго начальника края, его высокопревосходительство поручилъ объявить помѣщику Свѣржинскому благодарность его высокопревосходительства.

Повѣренный помѣщика Гродненскаго уѣзда Биспинга, колл. асс. Эдуардъ *Сасуличъ*, желая содѣйствовать успѣшному устройству народныхъ училищъ, пожертвовалъ на этотъ предметъ 25 руб. сер.

Поселяне Рѣчицкаго уѣзда, Минской губерніи, Какуевицкой, Каплицкой и Кощицкой волостей, составили приговоръ, коими единогласно постановили: слѣдуемыя имъ отъ казны деньги за содержаніе понятыхъ и подводъ при Евтушкевицкой становой квартирѣ за прошедшее и на будущее время, пожертвовать въ пользу раненыхъ и убитыхъ семействъ противъ польскихъ мятежниковъ; кромѣ того, поселяне первой изъ сихъ волостей обязались въ 1864 году устроить помѣщеніе для школы изъ лѣсу, подареннаго имъ помѣщикомъ Адамовичемъ.

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія г. главнаго начальника края, его высокопревосходительство поручить изволилъ: объявить помянутымъ поселянамъ благодарность его высокопревосходительства.

Мы уже нѣсколько разъ говорили о празднованіи высокоторжественнаго дня 19-го февраля въ разныхъ городахъ сѣверо-западныхъ губерніи; но вотъ извѣстіе изъ глуши, изъ глубины Вилейскаго уѣзда, земли древнихъ Кривичей. Въ мѣстечкахъ Дуниловичахъ и Германишки, 19 февраля собрались всѣ окрестные поселяне, такъ что едва половина ихъ могла помѣститься въ мѣстныхъ православныхъ храмахъ. Въ Дуниловичахъ отслужено было торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о здравіи и благоденствіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего Августѣйшаго дома. Въ тоже время совершены молебствія въ р. кат. костелѣ и еврейской синагогѣ. Послѣ молебствія мѣстное еврейское общество угощало нижнихъ чиновъ и казаковъ виномъ, пивомъ и пирогами; кромѣ того для угощенія солдатъ прислали вина помѣщики Абрамовичъ и Окушко. Вечеромъ всѣ дома въ мѣстечкѣ были иллюминованы. Въ м. Германишкахъ, послѣ литургіи мѣстный священникъ, вице-благочинный Троянъ, произнесъ соотвѣтственное важности празднуемаго дня поучительное слово, а всѣ домохозяева, приступили къ складчинѣ на церковный колоколъ, въ память освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ Бир. Вѣд. пишутъ:

Мы получили слѣдующія интересныя данныя о результатахъ дѣйствій общества рижско-динабургской желѣзной дороги отъ одного изъ акціонеровъ этого общества:

Оффиціальныя свѣдѣнія о доходахъ рижско-динабургской желѣзной дороги за весь 1863 годъ вполнѣ подтвердили исчисленія, помѣщенныя нами въ статьѣ, напечатанной въ N. 34 Биржевыхъ Вѣдомостей нынѣшняго года.

По означеннымъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ теченіе 1863 года перевезено:

товаровъ 5,225,584 п.; болѣе противъ 1862 г. на 1,556,479 п.

пассажировъ 221,267; чел. болѣе противъ 1862 г. на 20,572 ч.

выручено дохода 690,368 р.; болѣе противъ 1862 г. на 151,525 р.

За тѣмъ изъ припечатанной на дняхъ въ „Рижской Газетѣ" вѣдомости о доходахъ за январь видно, что эксплоатація въ минувшемъ мѣсяцѣ продолжалась почти въ томъ же размѣрѣ:

перевезено однихъ товаровъ 713,701 п.; болѣе противъ января 1863 г. 305,570 п.

выручено дохода 76,157 р., болѣе противъ января 1863 г. на 32,362 р.

Чтобы нагляднѣе изобразить степень развитія движенія и доходности рижско-динабургской желѣзной дороги, включаемъ здѣсь выписку ежемѣсячныхъ сборовъ, начиная съ октября 1861 г., т. е. съ перваго полнаго мѣсяца по открытіи общаго движенія, послѣдовавшемъ, какъ извѣстно, 12-го сентября того-же года.

Перечень ежемѣсячныхъ доходовъ.

	1861 г.	1862 г.	1863 г.
въ октябрѣ	51,495 р.	61,446 р.	72,005 р.
въ ноябрѣ	32,352 „	39,160 „	75,666 „
въ декабрѣ	33,922 „	39,461 „	80,433 „
	117,769 р.	140,067 р.	234,104 р.
	1862 г.	1863 г.	1864 г.
въ январѣ	37,280 р.	43,795 р.	76,157 р.
	155,049 р.	184,862 р.	310,261 р.

Сличеніе этихъ цифръ можетъ привести ко многимъ весьма утѣшительнымъ выводамъ на счетъ будущей доходности дороги: предоставляемъ эти соображенія самимъ акціонерамъ. Мы же ограничимся здѣсь немногими замѣтками и присовокупимъ еще кое какія имѣющіяся у насъ достовѣрныя извѣстія:

а) Изъ вышеприведенныхъ данныхъ оказывается, что въ ноябрѣ и декабрѣ 1863 г., т. е. во второй годъ эксплоатаціи, приращеніе доходовъ простиралось отъ 120% до 150%; общая же сумма выручки за четыре послѣдніе мѣсяца удвоилась въ сравненіи съ итогомъ сборовъ за тѣ же мѣсяцы 1861 года.

б) Прогрессивное возвышеніе доходовъ въ послѣдніе три мѣсяца 1863 представляетъ значительное развитіе эксплоатаціи сравнительно съ тѣми же мѣсяцами 1861 года, а именно:

Выручено въ 1863 г. противъ 1861 болѣе:	
Въ октябрѣ	20,510 р.
„ ноябрѣ	43,314 р.
„ декабрѣ	52,511 р.

Этотъ результатъ эксплоатаціи нельзя приписать одной счастливой случайности, тѣмъ болѣе, что обстоятельства въ которыхъ до сихъ поръ находится рижско-динабургская дорога, вслѣдствіе безпокойствъ въ западномъ краѣ, вовсе не могутъ считаться благопріятными. Но указанное возвышеніе доходности дороги слѣдуетъ отнести къ постепенному развитію движенія, свойственному всѣмъ вообще желѣзнымъ путямъ, а также распорядительности и дѣятельности директора правленія, принявшаго на себя съ начала прошлаго года главное наблюденіе за эксплоатаціей дороги.

в) Изъ вѣдомости правленія видно, что въ минувшемъ году за покрытіемъ всѣхъ вообще расходовъ дороги, осталось чистой прибыли слишкомъ 115 т. р. и этотъ остатокъ предположено обратить въ казну въ счетъ выданной ею обществу гарантіи.

г) Равномѣрно изъ оффиціальныхъ свѣдѣній извѣстно, что въ 1863 году сумма всѣхъ расходовъ дороги съ присовокупленіемъ къ оной процентовъ на акціи, простиралась до 1,033,766 р. Принявъ эту цифру въ основаніе расчета, увидимъ, что для покрытія годичнаго расхода дороги, потребуется дохода по 86,147 р. въ мѣсяцъ. Въ послѣдніе же четыре мѣсяца, ежемѣсячный сборъ приближался къ этой цифрѣ и въ декабрѣ превзошелъ даже оную.

и д) Кромѣ постепеннаго увеличенія дорожнаго сбора въ указанной прогрессіи, ожидается въ нынѣшнемъ году новое сбереженіе по разнымъ статьямъ, между прочимъ отъ удешевленія топлива введеніемъ угля вмѣсто кокса.

Всѣ помянутыя данныя представляютъ много выгодныхъ шансовъ для предпріятія. Въ настоящее время остается акціонерамъ озаботиться еще объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей устава общества, о чемъ по припечатанному въ С. Петербургскихъ и Биржевыхъ Вѣдомостяхъ объявленію имѣетъ быть 22 сего февраля въ 1 часъ по полудни предварительное собраніе въ зданіи здѣшней городской думы. Такъ какъ по § 43-му устава общества для постановленія по сему предмету приговора требуются голоса акціонеровъ, владѣющихъ не менѣе ⅔ основнаго капитала, то очень желательно, чтобы гг. акціонеры, оставивъ обычное равнодушіе къ общественному дѣлу, собрались въ большемъ числѣ на это совѣщаніе. Въ предварительныхъ двухъ собраніяхъ, бывшихъ въ прошломъ году и зимою и лѣтомъ, изъ нѣсколькихъ сотъ с.-петербургскихъ акціонеровъ, у коихъ слишкомъ 50 т. акцій, прибыло въ собраніе всего около 10 человѣкъ, имѣвшихъ вообще до 5 т. акцій. Это фактъ, но фактъ крайне грустный!

Изъ Царства польскаго. Въ Dzienn. Powsz. уже нѣсколько мѣсяцевъ помѣщаются замѣчательныя корреспонденціи изъ Кракова, слѣдящія за ходомъ революціи по заграничной польской прессѣ и различнымъ проявленіямъ мѣстнаго общественнаго мнѣнія и сопровождающія свои наблюденія замѣтками, отличающимися здравомысліемъ и искреннимъ чувствомъ истиннаго партіота. Корреспонденціи эти были знаменательнымъ явленіемъ въ Dzienn. Powsz., обновленномъ при графѣ Бергѣ, и теперь онѣ сохраняютъ все свое значеніе посреди молчанія остальной открытой польской прессы въ Варшавѣ. Приводимъ одну изъ послѣднихъ корреспонденцій, отъ 2-го (14-го) февраля.

Краковская „Хроника", по дѣлу о взятыхъ бумагахъ у Богуславскаго и другихъ извѣстныхъ членовъ революціонной организаціи, говоритъ: „И безъ найденныхъ бумагъ ни для кого не было тайною, что вся Польша въ заговорѣ противъ Москвы, что всѣ принадлежатъ къ національной организаціи... Это свидѣльствуетъ о всеобщей ненависти къ Москвѣ... но развѣ это уполномочиваетъ правительство къ выселенію и уничтоженію всего польскаго, если Польша не хочетъ этого правительства?" Слова эти обнаруживаютъ замѣчательный либерализмъ „Хроники". Всякая власть исходитъ отъ народа, говоритъ наука новѣйшаго времени, и никто не обязанъ слушаться ея, если ее не сопровождаетъ общее согласіе всей націи. Этотъ послѣдній принципъ стремится пріобрѣсти права гражданства въ новѣйшемъ мірѣ, и какъ видно изъ сказаннаго, „Хроника" сильно проникнута этимъ принципомъ. Нѣтъ ничего легче, какъ формулировать принципъ. Для этого достаточно десяти удачно связанныхъ выраженій. Но только при примѣненіи начинаютъ накопляться затрудненія, а ложный или дурно поставленный принципъ, нерѣдко имѣлъ роковое значеніе въ судьбахъ народовъ. Такъ liberum veto рѣшило судьбу Польши, ввело анархію въ ея правленіе, и вслѣдствіе анархіи— иностранное вліяніе, а въ результатѣ это вліяніе принесло упадокъ національной самостоятельности. Жизнь народовъ, подобно жизни отдѣльныхъ личностей, есть игра безпрерывныхъ противорѣчій. Народъ, или отдѣльная личность, забывающіе хотя бы на минуту обдительности, требуемой этими противорѣчіями; народъ или отдѣльная личность, перестающіе бороться съ зародышами разрушенія, накопляющимися со всѣхъ сторонъ,—могутъ считаться погибшими. Не смотря на усилія христіанства, направленныя къ упроченію мира, свѣтъ находится подъ вліяніемъ демона войны, демона и благодѣтельнаго и вреднаго, ибо онъ не только несетъ разрушеніе, но и содѣйствуетъ обновленію. „Хроника" говоритъ, какъ показано выше, что вся Польша въ заговорѣ противъ Россіи, такъ какъ вся Польша будто бы ненавидитъ Россію, и спрашиваетъ—можетъ ли это уполномочивать Россію выселять и разрушать все въ Польшѣ. Что же мы видимъ въ занимающемъ насъ вопросѣ? „Хроника" увѣряетъ и громко говоритъ о существованіи сильной ненависти Польши къ Россіи, и что первая безпрерывно находится въ заговорѣ противъ послѣдней. Но такимъ образомъ въ словахъ самой же „Хроники" встрѣчаются два рѣзкія противорѣчія. Обѣ стороны дерутся, борятся другъ съ другомъ, до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ не одержитъ побѣды; а такъ какъ побѣда одной стороны не можетъ быть иначе упрочена, какъ только разрушеніемъ другой, то и выходитъ, что Польша и Россія, сильно ненавидящія другъ друга, какъ полагаетъ краковская „Хроника", не перестанутъ сражаться до тѣхъ поръ, пока или Польша не уничтожитъ Россіи, или же Россія не уничтожитъ Польши. Вопросъ, поставленный въ такомъ видѣ, какой сообщаютъ ему „Хроника" и другіе органы польской революціи, не допускаетъ инаго разрѣшенія, и „Хроника" обнаруживаетъ очень много простодушія, дѣлая вопросъ, можетъ ли борьба на смерть, поднятая Польшею, по ея мнѣнію, противъ Россіи, „уполномочивать правительство къ выселенію и разрушенію всего польскаго." Прежде всего слѣдуетъ быть логичнымъ. Война вызываетъ войну. А кто говоритъ *война*, говоритъ — разрушеніе. Конечно Польша въ правѣ пускаться на приключенія, но она должна знать, какія выйдутъ изъ этого послѣдствія, и никто не въ правѣ обманывать ее въ этомъ отношеніи. Что молодежь говоритъ и дѣйствуетъ неблагоразумно—этого нельзя назвать съ ея стороны преступленіемъ — таковъ уже удѣлъ ея, но что люди, достигшіе зрѣлаго возраста, повторяютъ и подражаютъ безразсудствамъ молодежи — это непростительно, и нельзя не осудить націи, въ которой въ теченіе трехъ лѣтъ не успѣла сложиться партія, достаточно сильная для того, чтобы навести на истинный путь сумасбродовъ, навязавшихъ ей свои услуги.

Эта партія существуетъ въ народѣ, но ея не видно, и прежде нежели она рѣшится выступить открыто, революція, истощивъ всѣ свои средства, сойдетъ съ поприща и признаетъ себя побѣжденною. Къ этой-то партіи обращалось правительство, когда оно даровало обширныя національныя учрежденія, утверждая ихъ на польскихъ элементахъ;— когда оно устанавливало систему національнаго образованія, долженствовавшаго разлить свѣтъ просвѣщенія во всѣхъ классахъ общества; — когда оно назначало поляковъ въ главѣ всѣхъ управленій и учреждало фундаментъ для новаго порядка вещей, который если и не совершенно удовлетворялъ національной гордости, то по крайней мѣрѣ спасалъ достоинство націи и сохранялъ изъ ея прошедшей жизни все, что возможно было сохранить. Въ виду подобныхъ дѣйствій нельзя дѣлать упрековъ Россіи, будто бы она хочетъ систематически обратить Польшу въ пустыню и уничтожить все польское, но можно опасаться, чтобы дѣла не приняли такого оборота; и если намъ суждено видѣть это несчастіе, то мы навѣрное будемъ имъ обязаны революціоннымъ страстямъ. Я сильно надѣюсь, что это бѣдствіе не постигнетъ насъ. Крайная партія изнемогаетъ и начинаетъ терять подъ собою почву. Деньги уже не поступаютъ въ кассу, и она вынуждена выпрашивать тамъ и сямъ небольшія суммы, чтобы жить со дня на день. Когда какая-либо власть доведена до такого положенія, то паденіе ея весьма близко, ибо деньги составляютъ нервъ всякаго общественнаго дѣла. Чѣмъ положеніе такъ называемаго національнаго правительства дѣлается болѣе шаткимъ, тѣмъ усерднѣе хлопочутъ польскіе журналы внушать довѣріе къ его существованію и успѣхамъ его соображеній. По ихъ мнѣнію борьба вскорѣ возобновится еще съ большею нежели прежде силою. Баталіоны, полки, корпуса строятся на бумагѣ, но истина должна всегда выйдти наружу, не смотря на всѣ человѣческія усилія скрыть ее, — и подземное правительство публикуетъ одинъ декретъ за другимъ, призывая къ возвращенію изъ за границы къ 15-му числу— волонтеровъ, офицеровъ или рядовыхъ національнаго дѣла, уѣхавшихъ съ поля битвъ, призывая подъ угрозою, въ случаѣ возвращенія послѣ означеннаго срока, быть включенными въ исправительныя роты... (оренбургскія?).

Къ внутреннимъ баталіонамъ присоединяются фаланги, которыя заграничныя державы — этотъ бичъ Польши— должны отдать къ веснѣ въ распоряженіе наслѣдникамъ г. Богуславскаго и другимъ. Польское дѣло, убитое шлезвигъ-голштинскимъ дѣломъ, этимъ вторымъ безразсудствомъ, источникъ котораго кроется въ той же причинѣ, похоронено въ архивахъ дипломатіи, откуда оно выйдетъ не скоро — и однакожъ никогда, если вѣрить нашимъ журналамъ, оно не было столь близко къ возбужденію европейской войны. Хотя Англія постоянно объявляетъ, что не дастъ для Польши ни одного человѣка, ни одного гроша, хотя Австрія приняла наконецъ единственную роль, свойственную въ спорѣ, имѣвшемъ для нея столь наступательный характеръ; хотя Пруссія держится нынѣ, какъ и всегда, одной политики, то есть готова вступить въ бой для сохраненія раздѣловъ съ 1815 года; хотя Франція добровольно или по принужденію свернула свое знамя и громко признала невозможность одной поддерживать притязанія Польши, — тѣмъ не менѣе наши журналы полны надежды, не извѣстно только, на чемъ основываютъ они эти надежды. Наполеонъ—это сфинксъ говоритъ между прочимъ „Хвиля"; какъ въ эпоху декабрскаго покушенія, онъ притворяется, будто занятъ забавами; онъ только издали слѣдитъ за совѣщаніями своихъ министровъ, но вдругъ воспрянетъ, вслѣдствіе ли новаго покушенія внутри государства или же... объявивъ войну для возстановленія Польши. И съ помощью такихъ то несообразностей увлекаютъ народъ въ неблагоразумныя предпріятія.

Эти разсужденія о сфинксѣ и тому подобномъ, чѣмъ такъ изобилуютъ наши журналы, обращены къ людямъ болѣе просвѣщеннымъ. Для массъ, „Хвиля" и ея товарищи поставлютъ другіе аргументы, такого же свойства, но болѣе доступные ихъ пониманію. Массамъ говорятъ: Царь (который въ самомъ началѣ своего царствованія возвратилъ католической церкви прерогативы, потерю которыхъ она оплакивала, который поспѣшилъ замѣстить епископскія каѳедры, и который, между прочимъ, возстановилъ въ Польшѣ упраздненную прежде коммиссію исповѣданій) рѣшился удалить католическую религію изъ этой части своихъ владѣній, все населеніе латинскаго исповѣданія, не желающее перейдти въ православную вѣру будетъ вывезено за Волгу; Литва уже вся возстала на защиту вѣры своихъ отцовъ,— огни, зажженные по холмамъ, распространили сигналъ возстанія отъ одной деревни до другой. Въ настоящую минуту, по *достовѣрному* сообщенію „Хвили" вся Литва, обративъ въ оружіе все попавшееся ей подъ руку, разсѣялась по лѣсамъ, ожидая арміи освободителей, которыя долженъ выслать въ помощь Польшѣ западный сфинксъ!

Приведемъ еще образчикъ нелѣпостей другаго рода, какія „Хвиля" ежедневно публикуетъ въ своихъ, исполненныхъ ложью, столбцахъ. Вымыселъ этотъ относится къ балу, бывшему 7-го февраля. До общаго свѣдѣнія доводится прежде всего, что никого почти не было на этомъ балѣ, за исключеніемъ военныхъ, точно также, какъ и на балѣ президента Витковскаго; это однако же не помѣшало *распоряженіямъ и извѣстіямъ національной полиціи*, если вѣрить „Хвилѣ", обнародовать фамиліи поляковъ, присутствовавшихъ на этихъ балахъ. Затѣмъ, согласно „Хвилѣ", на балѣ въ замкѣ было весьма мало статскихъ, а для увеличенія количества черныхъ фраковъ, велѣно было на этотъ разъ переодѣться нѣкоторымъ военнымъ. „Хвиля" прибавляетъ, что къ такому же средству прибѣгли на балѣ у президента города, съ тою разницею, что у генерала Витковскаго переодѣтыми были полицейскіе агенты, а къ графу Бергу, который выше чиномъ, откомандировали для этого маскарада прапорщиковъ...— Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. И когда видишь, какія глупости руководятъ людьми, можно усомниться въ будущности человѣческаго рода! Недавно я вспомнилъ о выраженіи, помѣщенномъ въ „Хвилѣ" или другомъ какомъ-то журналѣ ejusdem farinae, выраженіи, обнаруживающемъ все пренебреженіе революціонеровъ къ народному счастію. Народъ (польскій), говорилъ журналъ, вздремнулъ. Нужно было извлечь его изъ летаргическаго состоянія. Теперь его разбудили, и разбудили такъ хорошо, что заснетъ уже не скоро... (Сѣв. Поч. N. 41).

Въ Русс. Инв. пишутъ изъ Варшавы: Сегодня мы были свидѣтелями объявленія крестьянамъ Царства польскаго великой милости нашего Монарха.

Съ ранняго утра въ городѣ было замѣтно особенное, небывалое движеніе. Не смотря на сырой, пасмурный день, огромныя толпы народа рѣкой лились по всѣмъ улицамъ Варшавы, направляясь къ тѣмъ площадямъ, гдѣ должна была быть возвѣщена имъ Царская милость. Я былъ свидѣтелемъ этого торжественнаго событія на Александровской площади, а потому разскажу вамъ, что мнѣ удалось видѣть. Площадь была усѣяна народомъ, на паперти храма тѣснилась огромная толпа. Въ воз-

духѣ стоялъ гулъ отъ разговоровъ, всякій спрашивалъ другъ у друга, что за содержаніе прокламаціи намѣстника, которая имъ будетъ читаться. Многіе нетерпѣливо посматривали къ Новому-Святу, по которому долженъ былъ прибыть поѣздъ. Въ началѣ одинадцатаго раздались крики: ѣдутъ, ѣдутъ; каждый поспѣшилъ занять повыгоднѣе мѣстечко. Наконецъ, показалось торжественное шествіе; впереди ѣхалъ верхомъ плацъ-адъютантъ, за нимъ полицеймейстеръ 4 отдѣленія, гвардіи ротмистръ Коссинскій, и хоръ трубачей лейбъ-гвардіи Гродненскаго полка, далѣе варшавскій оберъ-полицеймейстеръ баронъ Фредериксъ и флигель-адъютантъ, полковникъ Аннепковъ. Два герольда, въ золотыхъ мантіяхъ, съ вышитымъ на груди государственнымъ гербомъ, въ бархатныхъ шапочкахъ съ перомъ, составляли предметъ всеобщаго любопытства, каждый хотѣлъ поскорѣе знать содержаніе прокламаціи, виднѣвшейся у нихъ въ рукахъ,—за ними слѣдовалъ привезшій царскую милость, генералъ-адъютантъ графъ Барановъ со свитой, и наконецъ шествіе замыкалъ эскадронъ гусаръ л.-гв. Гродненскаго полка, въ своихъ красивыхъ мѣховыхъ шапкахъ. Проѣхавши костелъ, поѣздъ остановился, трубачи подали сигналъ, воцарилась совершенная тишина; одинъ изъ герольдовъ началъ чтеніе прокламаціи. Послѣднія слова грамоты были привѣтствованы крыкомъ ура! Тѣмъ же порядкомъ, шествіе послѣдовало на слѣдующую площадь. Прокламація была объявлена на пяти площадяхъ: св. Александра, Гржибовой, Желѣзной Брамѣ, Старомъ Мѣстѣ и короля Сигизмунда. Вездѣ Царскаго посланца ждала толпа, вездѣ съ нетерпѣніемъ хотѣли слышать милостивое слово. Огромныя массы народа сопровождали поѣздъ по улицамъ. Оберъ-полицеймейстеръ и плацъ-адъютантъ, во время слѣдованія, бросали въ народъ десятки экземпляровъ прокламаціи, которые ловились на расхватъ. Офицерамъ полиціи было поручено на площадяхъ раздавать народу прокламацію. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ таковой раздачи на Александровской площади. Тысячная толпа гудѣла, каждый толкался, чтобы схватить хоть одинъ листокъ прокламаціи. Полиціанты не могли сохранить порядка, все рвалось впередъ; многіе экземпляры вырывались другъ отъ друга; офицеръ не успѣвалъ обдѣлять окружавшихъ его. Раздавъ вмигъ двѣсти экземпляровъ, не смотря на всѣ увѣренія, что у него болѣе ихъ нѣтъ, толпа не переставала упрашивать, дать ей хоть еще одинъ листокъ. Измученный офицеръ ушелъ къ себѣ и еще долго стояла передъ его окнами ожидавшая прокламаціи огромная толпа.

Мнѣ говорили, что крестьяне по деревнямъ, при одномъ словесномъ заявленіи имъ, что правительство наше хочетъ имъ дать волю, цѣловали руки и платья радостныхъ вѣстниковъ; воображаемъ, съ какимъ восторгомъ встрѣтятъ они залоги царской милости! Завтрашній день изъ Варшавы ѣдутъ во всѣ концы царства—радостные гонцы.

(Сѣв. Поч. № 49).

Намъ пишутъ изъ Варшавы, отъ 29-го февраля: Обыски и арестанціи у насъ продолжаются. Въ варшавской таможнѣ было получено изъ-заграницы нѣсколько тюковъ съ различными товарами, адресованныхъ на имя содержателя частной конторы, купца Генриха Гельдта, содержателя книжнаго магазина Юзефа Кауфмана и на имя компаніи (Клейнаделя, Германа и Ланге), имѣющей также торговую контору въ Варшавѣ. Вамъ извѣстно, что въ настоящее время всѣ тюки, приходящіе изъ-за границы, въ таможнѣ, при оплатѣ пошлиной, подвергаются самой строгой ревизіи. Дня четыре или пять тому назадъ били получены здѣсь эти тюки и, пересматривая ихъ, между различными вещами нашли нѣкоторыя запрещенныя: напримѣръ, въ тюкахъ, адресованныхъ на имя Генриха Гельдта, найдены были запрещенныя газеты и фотографическія карточки, а въ тюкахъ книгопродавца Юзефа Кауфмана оглавленіе одной запрещенной книги, вышедшей за границей на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Вслѣдствіе всего этого варшавская таможня дала знать оберъ-полиціймейстеру, барону Фредериксу, который и поручилъ двумъ офицерамъ: подпоручику Гучинскому, прикомандированному къ десятому киркулу, и полицейскому офицеру одинадцатаго цыркула Н. Д. Левшину, произвести въ этихъ двухъ домахъ самую строгую ревизію. Содержатель торговой конторы, купецъ Генрихъ Гельдтъ, жилъ на Медовой улицѣ, въ третьемъ цыркулѣ. Г. Гучинскій съ дозорцами прибылъ въ его квартиру и приступилъ къ ревизіи. Искали въ столахъ, комодахъ, конторкахъ, подъ постелями и т. д., пересматривая тщательно каждую бумажечку, но все напрасно. Полагали, что поиски будутъ напрасны; но подозрѣніе оправдалось! Въ концѣ ревизіи нашли вещи, которыя служили яснымъ доказательствомъ, что Генрихъ Вельдтъ принадлежитъ къ народной организаціи. Осмотрѣвши рѣшительно во всѣхъ мѣстахъ, приступили къ ревизіи обуви, и чтоже вы думаете? въ углу, между старыми и негодными вещами, въ одномъ старомъ туфлѣ, въ самомъ носкѣ нашли два плаката отъ народнаго правленія. Гельдтъ думалъ отговариваться, но напрасно. Ясно было, что эти плакаты съ умысломъ были спрятаны туда отъ полиціи, потому что оба они были только что выданы отъ народнаго правленія: на нихъ было выставлено недавнее число. Между плакатами найдены: квитанція въ томъ, что народныя подати въ количествѣ двухъ тысячъ злотыхъ (триста р. сер.) купцомъ Генрихомъ Гельдтомъ уплачены народному правленію; и второй плакатъ, также на имя Генриха Гельдта—увольнительный билетъ отъ начальника на свободный проѣздъ за границу, такъ какъ, сказано въ этомъ увольнительномъ „билетѣ", всѣ повинности обывателемъ Генрихомъ Гельдтомъ выполнены. Такимъ образомъ вы видите, что подозрѣніе оправдалось; купецъ Генрихъ Гельдтъ арестованъ и отправленъ въ полицейскій арестъ. Послѣ этого подпоручикъ Гучинскій отправился на обыскъ въ другіе дома, въ которыхъ жили компаньоны Верманъ, Клейнадель и Ланге. Контора ихъ находится на Новосенаторской улицѣ, въ одинатцатомъ циркулѣ, въ домѣ помѣщика Яворскаго, гдѣ помѣщается Литовская гостинница. Но въ этихъ квартирахъ не нашлось ничего запрещеннаго. Замѣчу только, что купецъ Клейнадель и Германъ уже были разъ арестованы и содержались нѣсколько дней въ полицейскомъ арестѣ. Въ настоящее время Германъ опять арестованъ и уже почти мѣсяцъ содержится въ слѣдственной тюрьмѣ.

Полицейскій офицеръ Н. Д. Левшинъ произвелъ ревизію въ книжномъ магазинѣ Юзефа Кауфмана. Здѣсь было больше работы, и работы трудной. Нужно было осмотрѣть самымъ тщательнымъ образомъ квартиру и потомъ пересмотрѣть въ книжномъ магазинѣ всѣ книги по одиночкѣ, чтобы удостовѣриться, что между ними нѣтъ запрещенныхъ изданій. Ревизія у Юзефа Кауфмана продолжалась рѣшительно всю ночь: отъ 10 часовъ вечера до 6 утра, но при ревизіи ничего не оказалось запрещеннаго. Такимъ образомъ, изъ пяти заподозрѣнныхъ лицъ только одинъ оказался виновнымъ.

Теперь перейду къ другому дѣйствію полиціи. Вамъ извѣстно, что вся система народовой организаціи главнымъ образомъ заключается въ томъ, чтобы каждый организаторъ или вообще лицо, принадлежащее къ народовой организаціи, непременно сохранялъ въ секретѣ свою настоящую фамилію и имя, даже отъ принадлежащихъ къ революціонной партіи, и для этого всѣ революціонеры между собою извѣстны только по именамъ, которыя, разумѣется, не настоящія ихъ имена, а вымышленныя. Это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы никто изъ нихъ, попавшись въ руки полиціи и слѣдственныхъ коммиссій, не могъ выдать своихъ товарищей по ремеслу. Вслѣдствіе этого, арестованные очень часто показываютъ при допросахъ въ коммиссіяхъ на своихъ товарищей, но показанія ихъ бываютъ самыя неопредѣленныя и неточныя. Для примѣра приведу вамъ случай, бывшій на-дняхъ въ Варшавѣ. По требованію одной слѣдственной коммиссіи нужно было арестовать студента главной школы, по фамиліи неизвѣстнаго; имя его, положимъ, Николай и затѣмъ сообщены его примѣты. Розысканіе этого лица поручено было старшему офицеру одинадцатой части, штабсъ-капитану Гесселю. Онъ прежде всего поѣхалъ къ ректору главной школы, попросилъ у него списокъ всѣхъ учениковъ и, выписавъ изъ нея всѣхъ Николаевъ и гдѣ они живутъ, поѣхалъ по квартирамъ осмотрѣть ихъ всѣхъ, не подходитъ-ли кто изъ нихъ къ описаннымъ примѣтамъ. Двѣ ночи прошли у него въ напрасныхъ поискахъ. Зная, что лица, которыхъ отыскиваютъ, обыкновенно скрываются въ кондитерскихъ, ресторацiяхъ или ковярняхъ, онъ пошелъ ходить по этимъ заведеніямъ, въ надеждѣ найдти преступника. Въ кондитерской Ферари онъ встрѣтилъ человѣка, который при входѣ полицейскаго офицера замѣтно смѣшался и не зналъ что дѣлать. Сходство его физіономіи съ описанными примѣтами поразило г. Гесселя. Онъ сейчасъ же просилъ у испугавшагося фамилію и имя. Оказалось Францишекъ Ор...скій. Г. Гессель арестовалъ его и отправился съ нимъ въ слѣдственную тьюрму, гдѣ и оказалось, что Францишекъ Ор...скій и есть тотъ самый Николай, котораго необходимо было отыскать. Сейчасъ же по доставленіи этого господина въ слѣдственную тюрьму, вызвали того преступника, который обвинялъ его, и онъ во Францишкѣ узналъ Николая. Оказалось, что настоящее имя этого студента было Францишекъ, а въ организаціи между своими онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Николая.

Вчера былъ у насъ второй спектакль любителей. Давали „Свадьбу Кречинскаго" въ залѣ гражданскаго губернатора. Сборъ былъ громадный. Распорядителемъ былъ опять генералъ-маіоръ Карцовъ, командиръ прусскаго полка. *П. М.*

P. S. Вамъ извѣстно, что въ деревняхъ, мѣстечкахъ и городахъ Царства Польскаго объявляютъ всѣмъ крестьянамъ манифестъ о совершенной ихъ свободѣ. Народъ вездѣ съ восторгомъ принимаетъ этотъ манифестъ. Въ мѣстечкѣ Олькушевѣ, кажется, Радомской губерніи, крестьяне подняли на ура того, кто читалъ этотъ манифестъ, когда онъ его окончилъ. Крикамъ *ура*! не было конца. (С.-Пет. Вѣд. № 50)

Декларація польскихъ чиновниковъ. Чиновничество польское особенно много содѣйствовало мятежу, соперничая въ своемъ сочувствіи къ жонду, съ католическимъ духовенствомъ, ремесленниками и шляхтою. На всѣ эти послѣднія сословія наложена контрибуція, уже оказавшая самое благодѣтельное вліяніе на поведеніе членовъ этихъ сословій. Чиновничество же, которое, по ограниченности получаемаго имъ содержанія, невозможно было наказать контрибуціею, оставалось до сихъ поръ не только безъ наказанія, но даже и безъ заявленія о его солидарности съ революціею, и это подавало поводъ къ справедливому нареканію многихъ, говорившихъ, что чиновники, столь виновные противъ правительства, не получали даже съ его стороны никакого предостереженія—словомъ, какъ будто бы правительство не находитъ ничего предосудительнаго въ ихъ поведеніи. Подобное положеніе дѣлъ осмѣляло преступныхъ между чиновниками, давало имъ возможность колебать и увлекать за собою слабыхъ. Въ видахъ уничтоженія этого, графъ Бергъ приказалъ напечатать особую декларацію и предложить ее къ подписанію всѣмъ чиновникамъ. Декларація эта слѣдующаго содержанія:

„Одною изъ самыхъ прискорбныхъ причинъ, наиболѣе способствовавшихъ несчастіямъ нашего отечества въ послѣднее время, было преступное поведеніе нѣкоторыхъ правительственныхъ чиновниковъ. Не смотря на святость присяги на вѣрность Монарху, они помогали преступному заговору или своимъ бездѣйствіемъ, или прямымъ, или косвеннымъ содѣйствіемъ усиліямъ мятежниковъ, прибывшихъ по большей части изъ-за границы.

„Мы, нижеподписавшіеся, объявляемъ и признаемъ всю виновность подобнаго поведенія и, вѣрные нашей присягѣ, обязываемся содѣйствовать всѣми нашими средствами къ уничтоженію преступныхъ замысловъ, какого бы рода они ни были. Въ силу чего подписываемъ эту декларацію."

Напечатанная въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ, декларація была разослана по всему Царству и прежде всего подписана членами государственнаго и административнаго совѣта. (Бирж. Вѣд. № 65).

Въ Dzien. Powsz. перепечатано изъ Krakauer Zeitung слѣдующее письмо *изъ западной Галиціи*, заимствованное въ свою очередь этой газетой изъ русинскаго журнала, издаваемаго въ Вѣнѣ подъ названіемъ: „Вѣстникъ". Krak. Zeit., передавая это письмо, замѣчаетъ, что его можно принять за выраженіе общественнаго мнѣнія въ западной Галиціи. Можетъ быть читатели замѣтятъ въ этомъ письмѣ нѣкоторый искусственный колоритъ и натяжки; тѣмъ не менѣе мы считаемъ не безполезнымъ привести его въ нашей газетѣ, какъ документъ, излагающій положеніе дѣла съ извѣстной точки зрѣнія, усвоенной вѣроятно болѣе или менѣе значительною частью населенія.

Въ важную минуту, когда съ обѣихъ сторонъ такъ много толкуютъ и такъ много пишутъ въ газетахъ о взаимномъ сближеніи русиновъ и поляковъ, въ минуту, когда нѣтъ недостатка въ отдѣльныхъ демонстраціяхъ, имѣющихъ цѣлію изобличить это совершившееся будто бы соглашеніе, будетъ весьма кстати сказать серіозное слово, чтобы передать дѣйствительный и искренній взглядъ русинскихъ населеній.

Начнемъ съ увѣренія, что тѣсное соединеніе съ поляками, населяющими вмѣстѣ съ нами одну изъ красивѣйшихъ австрійскихъ провинцій, чрезмѣрно обрадовало бы насъ и осчастливило. Живемъ вѣдь мы вмѣстѣ на этой территоріи Европы, на которой было бы трудно распредѣлить національности, согласно географическимъ границамъ, и гдѣ всякій шагъ, совершенный съ цѣлію тѣснаго разграниченія, сопровождался бы самыми тягостными жертвами для нѣсколькихъ сотень тысячъ населенія.

Въ значительной, и даже въ самой значительной части Австріи, существуютъ подобныя отношенія; судьба давно уже минувшихъ столѣтій неразрывно помѣстила на одной и той же территоріи различныя національности, но установила въ то же время, для совокупнаго ихъ развитія и благоденствія, неизмѣнный законъ, законъ братскаго согласія и миръ во взаимныхъ отношеніяхъ.

Если щедро надѣленныя, хотя и разнаго происхожденія національности находятся въ такомъ тѣсномъ между собою соприкосновеніи, если взаимный обмѣнъ нравственной и матеріальной производительности между ними до такой степени облегченъ, то развѣ не слѣдуетъ усматривать въ этомъ высокаго историческо-цивилизаціоннаго назначенія, которое можетъ быть парализировано лишь раздвоеніемъ, вызваннымъ гнетомъ съ обѣихъ сторонъ?

Мы русины отнюдь не отвергаемъ этихъ истинъ и готовы первые протянуть нашимъ соперникамъ братскую руку, если результатомъ этого будутъ мирные отношенія и взаимная поддержка въ дѣлахъ отечественныхъ.

Чтобы однакожъ устранить ошибочныя толкованія и точно опредѣлить границу, до которой мы готовы вмѣстѣ идти съ нашими польскими согражданами, мы должны бросить взглядъ на исторію.

Говоря о нашихъ прежнихъ отношеніяхъ къ полякамъ, мы предадимъ забвенію періодъ времени до 1772 года и отнесемъ печальныя событія той эпохи скорѣе къ господствовавшему тогда духу, нежели къ народу, владычеству котораго намъ суждено было тогда подчиняться.

Затѣмъ послѣдовало австрійское правленіе, и тотчасъ же, съ самаго начала, обнаружились двѣ противоположныя тенденціи.

Русинскій людъ велъ тогда почти исключительно жалкую жизнь въ деревняхъ, состоялъ изъ крѣпостныхъ барщинниковъ и изъ весьма скудно обставленнаго матеріальными средствами и неразвитаго духовенства.

Австрійское правительство съ самаго начала заботилось объ улучшеніи участи своихъ подданныхъ. Барщина была приведена въ порядокъ посредствомъ особыхъ патентовъ, крѣпостное право было уничтожено, матеріяльное положеніе духовенства улучшено, предприняты мѣры къ умственному развитію кандидатовъ въ духовное званіе.

Эпоха царствованія императора Іосифа II, никогда не изгладится изъ памяти русиновъ. Цѣлымъ рядомъ постановленій крестьянское сословіе получило большія льготы, въ особенности касательно вступленія въ бракъ, свободнаго выбора занятій, переселенія и права пріобрѣтать земли посредствомъ выкупа въ потомственное владѣніе.

Въ 1782 году во Львовѣ была основана и щедро надѣлена семинарія, обезпечено содержаніе духовенства, назначеніе старшимъ священникамъ жалованья въ 300, а прочимъ въ 150 злотыхъ рейнскихъ и были устроены двѣ независимыя греческо-католическія консисторіи. Каждый годъ приносилъ новыя благодѣянія для русинскаго народа, такъ что еще теперь имя императора Іосифа живетъ въ памяти народа, а воспоминаніе о немъ запечатлѣется навсегда въ сердцахъ русиновъ.

Мѣстное дворянство, бывшее тогда самымъ сильнымъ представителемъ польской національности, смотрѣло на эти распоряженія австрійскаго правительства не безъ затаеннаго неудовольствія. За нѣкоторыми почтенными исключеніями, оно было главнымъ образомъ занято эксплуатированіемъ своихъ крестьянъ посредствомъ барщины для поддержанія своего изысканнаго образа жизни; за недостаткомъ всякой промышленности оставалось ежедневно опираться на земледѣліи и его главномъ дѣятелѣ—барщинѣ. Даже на умственное и матеріальное развитіе гминъ своихъ крестьянъ дворянство, за весьма малымъ исключеніемъ, эксплуатировавшее ихъ только ради своихъ доходовъ, смотрѣло съ недовѣріемъ и непріязнію.

1806 годъ принесъ съ собою новыя благодѣянія австрійскаго правительства для русинскаго люда. Во Львовѣ была основана галицкая метрополія, вслѣдствіе чего наша церковь пріобрѣла самостоятельность, и равноправность ея въ отношеніи мѣстной латинской церкви было признано въ принципѣ. Наконецъ наступилъ роковой 1809 годъ. Одна партія вступила въ Галицію и провозгласила себя представительницею польскихъ національныхъ интересовъ. Какія преслѣдованія испытали русины за то только, что не хотѣли сдѣлаться орудіями этой партіи и остались вѣрными австрійскому правительству! Болѣе всего страдало наше духовенство. Нѣкоторые изнывали въ тюрьмахъ и даже лишались жизни, за то что не хотѣли упоминать въ своихъ молитвахъ имени Наполеона и принять участіе въ революціи 1848 и 1849 годы еще у всѣхъ насъ въ свѣжей памяти. Тревожные слухи, пущенные съ цѣлію одурачить населеніе, угрозы нѣкоторымъ личностямъ, насмѣшки—все это полилось на насъ дождемъ въ летучихъ листкахъ, газетахъ и рѣчахъ сторонниковъ партіи ниспроверженія. Объ насъ прокричали во всей Европѣ, какъ о реакціонерахъ, когда мы только и хлопотали о поддержаніи нашей національности и общественнаго спокойствія. Все это совершалось также отъ имени польской націи, хотя мы охотно сознаемся, что много благородныхъ поляковъ держало себя вдали отъ этихъ возмутительныхъ происковъ.

На ряду съ этими печальными опытами нѣкоторые поляки не замедлили предъявить на славянскомъ конгрессѣ въ Прагѣ объясненія, которыя ограждали нашу національность и произвели впечатлѣніе на значительную массу русинскаго народа.

Наступилъ наконецъ періодъ съ 1851 по 1860 годъ. Только современемъ русскіе будутъ въ состояніи говорить объ этой эпохѣ спокойно и безъ предразсудковъ. Теперь вспомнимъ о ней съ нѣкоторою осторожностію, чтобы увлеченіе не заставило насъ произнести слишкомъ строгій приговоръ. Во главѣ страны стоялъ тогда полякъ. Лучъ надежды, блеснувшій сначала русинамъ, уступилъ мѣсто мрачному затмѣнію. У престола старались бросить тѣнь на нашу вѣрность. Благодѣянія монарха, относившіяся къ введенію преподаванія русинскаго языка въ публичныхъ школахъ и къ поддержкѣ молодежи стипендіями, были у насъ отняты. Наконецъ накинулись съ непостижимымъ почти самоволіемъ на нашъ алфавитъ. Съ 1861 года взошла однакожъ для русиновъ заря болѣе счастливыхъ дней: великодушный монархъ даровалъ имперіи конституцію.

Польскіе депутаты на галицкомъ сеймѣ воспользовались, тѣмъ не менѣе, своимъ большинствомъ, для того чтобы не дозволить намъ выразить какъ слѣдуетъ многія наши справедливыя желанія. И въ самомъ дѣлѣ случилось такъ, что въ мѣстномъ собраніи мы имѣемъ только одного русина, избраннаго группою мелкихъ землевладѣльцевъ, въ которой большинство русины; что русинскіе протоколы засѣданій не прочитываются, и русинскій языкъ изгнанъ, какъ языкъ оффиціальный, изъ мѣстнаго собранія — этой первой инстанціи конституціонной власти, на землѣ, по преимуществу, русинской.

Сверхъ того намъ извѣстно, какъ трудно академической молодежи, постоянно отстаивающей свою національность, найдти себѣ средства къ жизни уроками у польскихъ адвокатовъ или другихъ поляковъ. Мы знаемъ, какимъ униженіямъ подвергается эта молодежь за свой образъ мыслей, какъ всякое духовное лицо, признающее постоянно свою національность и заботящееся о ея развитіи, преслѣдуется поляками и никогда не можетъ получить какого бы то ни было поощренія. Между тѣмъ духовное лицо, попирающее ногами свою національность, называется *порядочнымъ человѣкомъ*, вездѣ имѣетъ преимущество и находитъ достаточныя средства къ жизни.

Мы привели всѣ эти упреки не для того, чтобы отъ провозглашеннаго нами въ началѣ братства пришлось въ будущемъ отказаться, но для того только, чтобы доказать, что исторія внушила намъ глубокую и непоколебимую привязанность къ австрійскому правительству и что потому, мы твердо и серіозно рѣшились не допускать ничего въ своихъ дѣйствіяхъ, что могло бы поколебать принятое нами положеніе.

Не смотря на всевозможныя происки, жители этой страны, принадлежащіе къ русинской національности, обратились подъ австрійскимъ скипетромъ изъ глубоко угнетаемыхъ крѣпостныхъ въ гражданъ. Мы сравнены съ прочими національностями, нашъ языкъ употребляется въ школѣ и судѣ. Мы можемъ затѣмъ весело идти на встрѣчу будущему. Все это опредѣляетъ точно границу, въ которой мы можемъ вращаться вмѣстѣ съ нашими соотечественниками. Взаимная поддержка въ дѣлѣ умственнаго и матеріальнаго развитія, подъ австрійскимъ скипетромъ, вотъ что да будетъ нашею общею цѣлію.

Партія же, которая пожелала бы вывести насъ на иной путь, оторвать насъ отъ Австріи—пусть никогда не расчитываетъ на наше соучастіе.

Мы не сойдемъ съ почвы практическихъ требованій страны. Въ азартную, политическую игру насъ нев олекутъ ни историческія преданія, ни нашъ тихій національный характеръ, благопріятствующій миру, порядку и прочнымъ отношеніямъ.

(Сѣв. Поч. № 50).

Въ дополненіе къ прежней корреспонденціи «изъ западной Галиціи», приводимъ изъ Dzien. Powsz. другую корреспонденцію, «съ галицкой границы», разсматривающую положеніе дѣла съ другой точки зрѣнія. За неимѣніемъ совершенно достовѣрныхъ свѣдѣній, которыя едва-ли и возможны при настоящихъ обстоятельствахъ, необходимо взвѣшивать даже противорѣчивые отзывы и уже изъ нихъ выводить заключенія, послѣ надлежащей критики. Вотъ что говорится въ этой корреспонденціи, отъ 1-го марта.

Кто слѣдилъ со вниманіемъ за признаками движенія въ Галиціи, вызваннаго возстаніемъ въ царствѣ польскомъ, тотъ не удивится слухамъ о готовящемся возстаніи противъ австрійскаго правительства. Слухи эти имѣютъ свое основаніе. Источникъ ихъ слѣдуетъ искать не въ томъ или другомъ листкѣ революціонной бюрократіи, перехваченномъ австрійскими властями, но въ положеніи страны, созданномъ, съ одной стороны, событіями, а съ другой, поведеніемъ австрійскаго правительства въ Галиціи.

Царство польское годъ тому назадъ было поставлено въ удовлетворительныя условія легальнаго и свободнаго національнаго развитія. Реформы, называемыя реформами Велепольскаго, составили фундаментъ для новаго зданія, долженствовавшаго воздвигнуться совокупнымъ трудомъ правителей и управляемыхъ. Несомнѣннымъ ручательствомъ въ искренности намѣреній Монарха было назначеніе въ должность намѣстника Великаго Князя Константина Николаевича. Казалось, что благоразумные люди овладѣютъ общественнымъ мнѣніемъ и парализируютъ происки людей легкомысленнымъ, происки, которые пожалуй были бы патріотическими, если бы не были такъ отмѣнно глупыми. Внѣшнія обстоятельства также не благопріятствовали сумасбродному предпріятію. Послѣ и еще прежде признанія Россіею королевства Италіи, Франція старалась войдти въ болѣе тѣсную дружбу съ этимъ государствомъ, съ которымъ, по крайней мѣрѣ, съ минуты ослабленія „священнаго союза", она не имѣетъ и малѣйшей надобности заводить ссору. За нѣсколько мѣсяцевъ до начала возстанія въ царствѣ польскомъ, въ Парижѣ арестовано нѣсколько поляковъ, заподозрѣнныхъ въ покушеніи на жизнь Лидерса, запрещенъ вывозъ или вѣрнѣе помѣшали вывозу оружія, предназначавшагося для возстанія in spe. Я имѣлъ тогда случай разговаривать съ людьми, посвященными въ происки заговора, людьми, какъ говорятъ, со значеніемъ и вліяніемъ. Всѣ были того мнѣнія, что происки, имѣющіе цѣлію возбужденіе кровопролитной борьбы въ царствѣ, составляютъ такую очевидную несообразность, что невозможно было бы допустить, чтобъ партія, хорошо ознакомленная съ положеніемъ и силами царства польскаго, не была въ состояніи парализировать подобные происки. „*Царство польское*, утверждали справедливо, *есть единственное звѣно національныхъ силъ. Въ виду зрѣлаго суда исторіи не слѣдуетъ, было бы даже государственною измѣною — поставить эти силы на карту въ неравной борьбѣ, въ которой онѣ, вызвавъ легкомысленно репрессію, должны окончательно испытать пораженіе. Этотъ сумасбродъ* (а другіе не скупились на болѣе рѣзкіе эпитеты для Мѣрославскаго) *хочетъ погубить край, но мы не допускаемъ, чтобы дѣло дошло до кровопролитнаго столкновенія, не смотря на то, что организація пустила корни въ низшихъ слояхъ общества, не смотря на болѣзненныя демонстраціи...*"

Такъ разсуждали тогда, и утѣшаясь тѣмъ, что происки *красныхъ* не будутъ имѣть успѣха, выжидали спокойно конца демонстраціямъ, исчисленіе которыхъ начинало утомлять даже журналы, наиболѣе падкіе на подобнаго рода заявленія народной жизни. Не смотря на грозныя симптомы, не хотѣли вѣрить, чтобы безуміе переступило границы демонстраціи, полагали, что это дѣло невозможное: а между тѣмъ фактъ опровергнулъ эти выгодные соображенія и доводы. Вздумалось людямъ, физически и умственно не созрѣвшимъ, дать сигналъ къ оружію, не имѣя оружія!.. и вызвать что-то въ родѣ національнаго возстанія, которое поддерживалось экзальтаціей малолѣтнихъ, а еще болѣе возбужденіемъ страстей въ городскомъ рабочемъ классѣ. Пусть это послужитъ урокомъ и предостереженіемъ, что въ виду готовящагося бѣдствія, не достаточно разсуждать, роптатать гдѣ-либо въ углу и выжидать. При видѣ зла нуженъ былъ энергическій протестъ, а не предоставленіе его на волю Провидѣнія...

И вотъ, все что происходило годъ тому назадъ въ царствѣ польскомъ, готово повториться въ Галиціи съ тою разницею, что положеніе этой страны, созданное и отраженіемъ событій, и поведеніемъ австрійскаго правительства, гораздо болѣе благопріятствуетъ революціоннымъ покушеніямъ въ Галиціи, нежели это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Эпоха дипломатическаго вмѣшательства минула, но не минули еще его плоды, его результаты, увеличивающіе число жертвъ въ царствѣ польскомъ и — революціонные элементы въ Галиціи... Англія желала интервенціею прервать связь Франціи съ Россіею, Наполеонъ III хотѣлъ пококетничать съ общественнымъ мнѣніемъ, а Австрія?... Австрія хотѣла своимъ участіемъ въ интервенціи нѣсколько умѣрить воображаемую энергію своихъ интервенирующихъ друзей, отомстить немного и за предоставленіе ее своимъ собственнымъ силамъ на поляхъ Мадженты и Сольферино и за признаніе италіянскаго королевства. Не нужно было особенной проницательности для оцѣнки той двуличной политики, которой слѣдовала Австрія въ виду польскаго возстанія. Въ началѣ было дозволено отрядамъ собираться самымъ открытымъ образомъ, забыта даже и конвенція 1860 года. Только нѣсколько мѣсяцевъ спустя вспомнили, что слѣдуетъ участниковъ возстанія предавать суду, который время отъ времени получалъ изъ Вѣны разныя инструкціи. Весьма вѣрно очертилъ это положеніе Австріи Лангевичъ, въ своемъ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей въ Вѣнѣ: *Намѣренія Австріи, въ отношеніи польскаго возстанія, для меня очевидны. По мѣрѣ того, какъ это возстаніе пріобрѣтаетъ силы, Австрія отрѣзываетъ ему помощь изъ Галиціи, но мѣрѣ же упадка возстанія, Австрія уменьшаетъ преграды, а это для того, чтобъ существенно ослабить и поляковъ и москалей...*

Между тѣмъ г. генералъ Замойскій и вѣрующіе въ его государственныя способности не переставали доказывать и увѣрять, что австрійскіе полки выступятъ въ Варшаву, что эрцгерцогъ Максимиліанъ принялъ уже предложенную ему польскую корону и т. п. Молодежь записывалась въ списки отрядовъ, собравшихся подъ руководствомъ начальниковъ, которыхъ назначалъ Высоцкій, и не спрашивая о составѣ силъ, вступали, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ людей, въ бой едва ли не съ сто-тысячною арміею. Во всемъ этомъ не было смысла, но винить молодежь не приходится. Она шла съ вѣрою, что тѣ, которые ее призывали и которые стали во главѣ ея, предварительно расчитали все хорошо. Она не спрашивала кто? и какъ? Для нея было довольно, что къ ней обратились во имя отчизны, что воззвали къ ея патріотизму. Взывающіе хорошо знали, что достаточно ударить въ патріотическую струну народа, чтобы заставить его предать въ объятія смерти или неволи все, самое дорогое.... Несчастная Польша! Несчастная молодежь! Результаты этихъ шумныхъ походовъ изъ Галиціи извѣстны, но одно обстоятельство извѣстно весьма немногимъ, не смотря на то, что оно имѣло и имѣетъ до сихъ поръ громадное вліяніе на нынѣшнее положеніе Галиціи и на будущія ея судьбы. Когда болѣе развитая молодежь протерла глаза – а она должна же была наконецъ прозрѣть — оказалось, что у многихъ кадровъ и штабовъ не хватаетъ рядовыхъ и подчиненныхъ. Открылась вербовка въ ремесленной средѣ и въ низшихъ слояхъ городскаго населенія. Соблазнъ партизанской жизни, недостатокъ любви къ труду, деньги и разнаго рода условія, клятвы, которыми связывали легковѣрныхъ, вытѣснили множество молодежи изъ колеи обыкновенныхъ производительныхъ занятій и увлекли ее на поприще приключеній. Оттѣсняемая постоянно отъ границы, чрезъ которую ей приходилось прорываться для поддержки возстанія, и большею частію отступая отъ границы, по мановенію своихъ начальниковъ, еще до встрѣчи съ непріятелемъ, фаланга эта увеличивалась дезертирами шаекъ, составленныхъ изъ *конгрессовцевъ* (жители *конгрессной* Польши т. е. царства польскаго), которые, получая извѣстія, что въ Галиціи можно выгодно отдохнуть, предпочитали лучше сидѣть въ теплой избѣ, нежели скитаться по лѣсамъ, Богъ знаетъ, изъ-за чего. Но это еще не конецъ. Въ такой странѣ, какъ Галиція, гдѣ бѣдность составляетъ характеристическую черту,— упадокъ промышленности и торговли, вслѣдствіе ненормальнаго положенія, вызваннаго вліяніемъ мятежа въ царствѣ польскомъ, лишалъ множество людей средствъ къ содержанію. Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ возрастала фаланга людей молодыхъ и не молодыхъ безъ хлѣба и безъ занятій, зимующая частію по господскимъ дворамъ, гдѣ шляхта, ропща втихомолку, бьетъ для нее послѣднюю корову, частію же скрываясь въ городахъ, гдѣ ожидаетъ съ каждымъ днемъ приказанія выступить, чтобы снова отступить въ наилучшемъ порядкѣ.

Правительство не могло не обратить вниманія, что наслоеніе людей подобнаго сорта угрожаетъ странѣ самою соріозною опасностію. Однакожъ многочисленныя арестованія (къ одной львовской цитадели сидитъ около 1,000 человѣкъ) нисколько не излѣчиваютъ зла. Всѣхъ арестовать нѣтъ возможности. Имъ нужно занятій и хлѣба, въ чемъ именно нынѣ встрѣчается въ Галиціи большое затрудненіе. Сверхъ того необходимо въ этихъ юныхъ умахъ поселить охоту къ полезному труду, что, въ настоящее время, еще труднѣе.

Одновременно съ образованіемъ этого класса людей, готовыхъ на всевозможныя приключенія, распространялась также въ Галиціи такъ называемая организація для удѣленія помощи возстанію въ царствѣ польскомъ, въ дѣйствительности же съ цѣлію забрать въ руки всѣ отношенія страны, всѣ ея нравственныя, физическія и матеріальныя силы.

Съ теченіемъ времени возникли революціонные отдѣлы и должности, покрывая своею сѣтью всю страну, возникли полиціи разнаго наименованія и даже учрежденіе *внѣшнихъ жандармовъ*, какъ его съ почтеніемъ титулуетъ Gazeta Narodowa.

Въ другомъ письмѣ я опишу подробно теперешнее положеніе такъ называемой организаціи въ Галиціи и фазисы ея развитія. Сегодня вспомню только о томъ, что прямо относится къ содержанію настоящаго письма, именно, что въ составъ этой организаціи входятъ люди весьма и весьма разнородные и даже такіе, нравственность которыхъ болѣе чѣмъ подозрительна. Скажу только, что организація эта, характеризуя ее обветшалымъ нынѣ выраженіемъ, вполнѣ *красная*, между тѣмъ какъ такъ называемый отдѣлъ національнаго правительства, долженствующій руководить ею и возникшій какъ извѣстно изъ выборовъ, отличается необыкновенною *бѣлизною*. Наконецъ скажу, что наиболѣе скрытныя личности въ организаціи, держа въ своихъ рукахъ тайныя нити заговора, подчиняются только *наружно* управляющему отдѣлу, въ сущности же они работаютъ

надъ осуществленіемъ собственныхъ плановъ, о которыхъ ни отдѣлъ, ни уполномоченный такъ называемаго національнаго правительства ничего не знаютъ. Но любопытнѣе всего то, что, управляя или руководя заговоромъ, они сами дѣлаются нерѣдко орудіемъ неизвѣстныхъ имъ людей, занимающихъ весьма невысокое мѣсто въ подземной іерархіи...

Когда вслѣдствіе убійствъ, совершенныхъ недавно въ Краковѣ, и вслѣдствіе открытій, сдѣланныхъ въ Львовѣ, полуоффиціальная вѣнская пресса начала подготовлять общественное мнѣніе къ необходимости принятія правительствомъ чрезвычайныхъ мѣръ въ Галиціи, для огражденія жизни и имущества жителей, - такъ называемый отдѣлъ національнаго правительства поспѣшилъ издать прокламацію. Господа члены отдѣла опубликовали этотъ документъ, которому не достаетъ одной только мелочи, именно логики — удержать развитіе репрессивыхъ мѣръ со стороны правительства и отречься отъ солидарности съ „анархистами", которымъ грозятъ, какъ дѣти нянькамъ. Нужно обладать исполинскою наивностью, чтобы провозгласить себя правительствомъ въ правительствѣ, взявъ въ распоряженіе Галицію, „какъ вспомогательную провинцію въ войнѣ съ Москвою", безъ вѣдома и воли австрійскаго правительства; чтобы въ виду такого признанія— приписывать слухамъ о готовящемся возстаніи въ Галиціи не болѣе какъ желаніе австрійскихъ властей найдти удобный предлогъ для угнетенія и злоупотребленій. Развѣ можетъ благомыслящій человѣкъ допустить, чтобы какое-либо правительство терпѣло рядомъ съ собою другое правительство.... чтобы какое-нибудь изъ правительствъ, не желая добровольно отречься отъ своихъ правъ, предоставляло невидимой власти взять въ распоряженіе свою провинцію?... Но въ пустыхъ головахъ этихъ самозванныхъ превосходительствъ все возможно, совершенно также какъ у сумасшедшаго человѣка, который, воображая себя королемъ, издаетъ указы. „Анархисты", которыхъ манифестъ осуждаетъ, констатируя самый фактъ происковъ, съ цѣлію возбудить въ Галиціи вооруженный мятежъ противъ Австріи, изобличаютъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторую послѣдовательность. Затѣвая войну силами Галиціи, слѣдуетъ необходимо ниспровергнуть правительство, которое не имѣетъ ни малѣйшаго желанія добровольно предоставить первенство такъ называемому отдѣлу національнаго правительства.

Что сдѣлаетъ австрійское правительство въ виду этихъ происковъ, предвидѣть не трудно. Оно объявитъ осадное положеніе, необходимость котораго объясняетъ и образованіе многочисленнаго класса людей, способныхъ на всевозможныя приключенія, и развитіе въ Галиціи такъ называемой организаціи, которая, для поддержанія своей жизни, должна безпрерывно волновать

Говорили весьма много о необходимости осаднаго положенія въ Галиціи. Преданность сельскаго люда въ правительству, легальность русиновъ, которые, принимая сторону австрійскаго правительства, расчитываютъ за это на громадныя съ его стороны уступки, энергія административнаго механизма — казалось бы, дѣлаютъ осадное положеніе излишнимъ. Недавно генералъ Менсдорфъ сказалъ одному землевладѣльцу, просившему его выдать такъ называемый Waffenpass (билетъ на оружіе): „вамъ незачѣмъ имѣть такое дозволеніе; поѣзжайте домой и скажите сосѣдямъ, что по первому сигналу къ возстанію противъ власти, вся шляхта будетъ свезена въ теченіе 24 часовъ въ окружной городъ." Это предостереженіе свидѣтельствуетъ о сознаніи силы, съ которою правительство расчитываетъ подавить во всякую минуту авантюринтское предпріятіе. И въ самомъ дѣлѣ, если бы рѣчь шла объ обезпеченіи цѣлости государства противъ рсволюціи, готовящейся въ Галиціи, — правительство не имѣло бы нужды объявлять осаднаго положенія. Оно можетъ даже спокойно смотрѣть на результаты попытокъ побратать русиновъ съ поляками, которые пока ограничиваются тѣмъ, что редакторъ *Слова* потерялъ болѣе трети своихъ подписчиковъ, съ тѣхъ поръ какъ глупая и злая Gazeta Narodowa вздумала отыскивать и признавать въ немъ какія то симпатіи къ польскому возстанію, симпатіи, которыя и не снились *Слову*. Но правительство обязано оберегать не только цѣлость государства, оно обязано достаточно обезпечивать жизнь и имущество обывателей; а въ этомъ отношеніи дѣла зашли уже такъ далеко въ Галиціи, что оно должно объявить осадное положеніе.

Сверхъ того австрійское правительство вынуждено съ возможною скоростію предпринять въ Галиціи самыя энергическія мѣры, имѣя въ виду двѣ случайности. Первая случайность, которую предвидѣть не трудно есть оттѣсненіе остатковъ мятежниковъ изъ царства польскаго въ Галицію. Другая случайность, на которую расчитываетъ здѣшняя революціонная партія, есть вѣроятность войны съ Италіей, а впослѣдствіи и замѣшательство въ Венгріи. И вотъ наши организаторы, расчитывая на эту случайность, мечтаютъ о партизанской войнѣ въ Карпатахъ, весьма нравящейся юнымъ бойцамъ, которые, сидя въ господскихъ дворахъ, не имѣютъ никакой охоты возвратиться къ полезнымъ занятіямъ. Карпатскіе лѣса составляютъ болѣе безопасное убѣжище, чѣмъ лѣса царства польскаго и даже Литвы. Вино, солонина, табакъ и бараны, рисуясь весьма соблазнительно въ воображеніи, побуждаютъ къ предпріятію, для котораго вѣра въ венгерское возстаніе сочиняетъ самый благопріятный гороскопъ.

Едва я окончилъ это письмо, какъ мнѣ сообщили объ объявленіи 29-го февраля осаднаго положенія. Впечатлѣніе, произведенное этимъ объявленіемъ на двухъ крайнихъ партіяхъ—на партіи, желающей какъ можно скорѣе германизировать страну, и на красныхъ.—доказываетъ, что обѣ желали этого. Одна потому, что расчитываетъ на возстановленіе прежняго правительственнаго порядка, а другая потому, что въ осадномъ положеніи усматриваетъ удобный случай раздражить умы противъ правительства.

Вотъ прокламація, о которой упомянуто выше:

L. 26 Отдѣлъ національнаго правительства въ австрійскомъ забранномъ краѣ.

Національное правительство очертило положеніе Галиціи, какъ провинціи вспомогательной въ войнѣ съ Москвою. Колебанія и опасенія однихъ, коварство другихъ, допускаютъ распространеніе слуха о вооруженномъ возстаніи противъ Австріи.

Возстаніе противъ Австріи, при теперешнихъ обстоятельствахъ, можетъ быть только въ интересѣ Россіи или *анархистовъ*, дѣйствующихъ наперекоръ національному правительству; распространеніе же угрозъ выгодно для австрійскихъ властей, для прикрытія ими своихъ злоупотребленій.

Равнодушіе, легковѣріе и боязливость нѣкоторыхъ обывателей сообщаютъ единственную силу именно этой партіи, которая устрашаетъ ихъ; кто вмѣсто того, чтобы смѣло противустать опасности, какъ подобаетъ мужу; вмѣсто того, чтобы удостовѣриться въ слухахъ, Богъ-вѣсть кѣмъ и откуда распространяемыхъ, — опускаетъ руки, деморализируетъ себя и другихъ, — того слѣдуетъ считать совиновникомъ.

Достаточно сильный, чтобы ни на шагъ не отступать отъ направленія, принятаго національнымъ правительствомъ, - отдѣлъ признаетъ всевозможные происки, съ цѣлію вызвать вооруженное движеніе противъ Австріи, государственною измѣною и подвергнетъ виновныхъ всей строгости обязательныхъ законовъ. 14-го февраля 1864 года. Печать извѣстная; вокругъ надпись: „Отдѣлъ національнаго правительства для Галиціи." (Сѣв. Поч. № 51)

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Чрезвычайно важное извѣстіе, заключающееся въ депешѣ, отправленной изъ Вѣны, въ прошлую среду, 16 марта вечеромъ, о перемиріи между Даніей, съ одной и Австріей и Пруссіей, съ другой стороны, весьма обрадовало Европу, которая въ этомъ дѣйствіи видитъ вступленіе въ полюбовное разрѣшеніе злосчастной распри, тревожащей всѣ державы и поставляющей ихъ въ необходимость держать свои войска на военной ногѣ.

Датско-германская распря не въ силахъ и не должна возбудить общаго пожара, но съ мыслью о порядкѣ не хотятъ сродниться приверженцы такого оборота дѣлъ; имъ прискорбно, что ихъ преступныя и нечеловѣческія стремленія разбиваются въ прахъ усиліями великихъ державъ, стремящихся къ возстановленію мира, только подъ защитой котораго могутъ созрѣть предпринятыя повсюду благотворныя реформы. А потому они выступаютъ съ ябедническими выдумками и стараются, если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ уменьшить довѣріе въ ту благую надежду, которую возбудила вѣнская телеграмма. Мелочно разбирая каждое слово сказанной депеши, и безщадно анатомическимъ ножемъ ее разсѣкая, они силятся открыть въ ней мнимыя-сомнѣнія. И хотя не опровергаютъ интимныхъ отношеній графа Рехберга къ вѣнской газетѣ Algemeine Correspondenz, притворно не допускаютъ возможности перемирія при сохраненіи настоящаго положенія воюющихъ сторонъ. По ихъ мнѣнію, Австрія не можетъ желать мира; неосуществимо сохраненіе statu quo; выраженная Даніей надежда, что германскія державы прикажутъ войскамъ своимъ не идти далѣе, есть не что иное, какъ мечта. Они утѣшаются мыслію, что хотя бы дѣло дошло до перемирія или еслибы могла состояться въ Лондонѣ конференція, столь желанная всѣми благомыслящими людьми, то и тогда изъ-за всякаго предлога вновь возгорится война и только одно оружіе съумѣетъ разрѣшить этотъ гордіевъ узелъ. Люди этой категоріи, не имѣя возможности заимствовать доказательства изъ разума и изъ дѣйствительнаго политическаго состоянія Европы, кидаются на болѣе или менѣе неопредѣленное выраженіе депешъ, отправленныхъ изъ трехъ разныхъ столицъ, а именно изъ Вѣны, Берлина и Лондона, въ прошлый четвертокъ; гонятся за противорѣчіями, которыя они желаютъ видѣть въ этихъ депешахъ; ссылаются на слова газеты Allgemeine Correspondenz, объявляющей, что напечатанное ею извѣстіе о перемиріи, принятомъ Даніею, не означаетъ безусловнаго согласія ея на сдѣланныя, ею предложенья. Также они желаютъ вычитать въ словахъ Nord-deutsche Zeitung, напечатанныхъ въ прошлый четвергъ, что эта газета въ извѣстіяхъ, прямо изъ Лондона ею полученныхъ, не находитъ упоминанія о готовности Даніи согласиться на перемиріе. Наконецъ приводятъ объявленіе лорда Пальмерстона, сдѣланное имъ въ палатѣ общинъ, тогоже 17 марта вечеромъ, что англійскимъ правительствомъ получено согласіе Австріи и Пруссіи на конференцію, но что оно выжидаетъ еще оффиціальнаго отвѣта со стороны Даніи, хотя и имѣетъ основательныя причины надѣяться и вѣрить, что Данія согласится на открытіе конференціи." И какъ лордъ Пальмерстонъ ничего не сказалъ о перемиріи, то журналисты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, торжествуютъ, утверждая, что ни коимъ образомъ достигнуто не будетъ полюбовное разрѣшеніе. Справедливо замѣчаетъ Journal de St. Petersbourg, что разницу, существующую между извѣщеніями вѣнской газеты, говорящей *о перемиріи*, и берлинской, сообщающей о согласіи Даніи на *конференцію*, слѣдуетъ приписать невольной оплошности редакторовъ этихъ телеграфическихъ депешъ. Чтоже касается до объявленій лорда Пальмерстона, то, извѣщая о согласіи Австріи и Пруссіи принять конференцію и высказывая основательную надежду, что и Данія къ ней приступитъ, могъ подъ этимъ разумѣть и перемиріе, составляющее простое послѣдствіе самаго предложенія конференціи. Вѣроятно газеты отъ 18 марта доставятъ намъ болѣе подробныя объясненія, которыя мы не преминемъ сообщить читателямъ Вѣстника.

Вслѣдствіе празднованія 13 марта, рожденія короля Виктора-Эмануила (14 марта 1820 года) и вступленія имъ въ 45 годъ жизни, превозглашена въ Италіи амнистія отказывающимся отъ морской службы. Того же числа получено извѣстіе изъ Турина, что палъ самый страшный изъ разбойничьихъ бандитовъ Нинко-Нанко, убитый въ стычкѣ съ Авильянской національной гвардіей, коей вся его шайка совершенно уничтожена.

Читатели Вѣстника навѣрное помнятъ, что въ прошломъ году четыре бандита, бывъ снабжены паспортами и письмами изъ Рима, задумали бѣжать въ Испанію на французскомъ пароходѣ Aunis, что арестованіе ихъ италіанскими властями въ Генуѣ возбудило дипломатическіе переговоры, въ послѣдствіе которыхъ италіанское правительство, вознаграждая обиду, нанесенную французскому флоту, должно было выдать этихъ узниковъ императорскимъ властямъ, что только когда убѣдились въ дѣйствительности совершенныхъ ими преступленій, ихъ вновь отправили въ Италію. Нынѣ изъ телеграммы, полученной изъ Парижа 14 марта, видно, что въ Неаполѣ состоялся приговоръ, по силѣ котораго братья Чипріано и Джіано ля Галля приговорены къ смертной казни, Папа къ тяжкимъ пожизненнымъ работамъ, а Даванцо къ 20 лѣтней работѣ.

Италіанскія газеты, говоря о приведеніи приговора въ исполненіе, сообщая подробности о смерти Нинко-Нанко и извѣщая о совершенномъ почти уничтоженіи разбойничества, просятъ правительство и впредь дѣйствовать съ прежнею энергіей. Онѣ справедливо замѣчаютъ, что правительству слѣдуетъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы не дать возможности возвратиться въ неаполитанскія владѣнія бандитамъ, кои въ числѣ около 300 человѣкъ нашли убѣжище въ Римѣ, при чемъ самымъ полезнымъ средствомъ считаютъ препровожденье ихъ именъ и примѣтъ французскимъ начальствамъ съ цѣлію отнять у этихъ преступниковъ всякую возможность перейти границу.

Теперь италіянскій парламентъ разсматриваетъ важный проектъ закона, уравнивающаго во всей Италіи поземельную подать. Объясненія министра финансовъ Мингетти устранили всевозможныя поправки; уже первый пунктъ проекта, постановляющій, что количество поземельной подати составляетъ 100 милліоновъ, былъ принятъ палатою безъ большаго сопротивленія. По расчисленію, Піемонтъ уплотитъ 20, Ломбардія $17\frac{1}{2}$, бывшее моденское герцогство $3\frac{1}{2}$, Тоскана 8, бывшія папскія владѣнія $11\frac{1}{2}$, неаполитанскія $33\frac{1}{2}$, Сицилія 10, Сардинія $2\frac{1}{2}$ милліона.

Въ виду движенія, господствующаго въ австрійской Италіи, довольно очевидны вооруженія въ королевствѣ Виктора Эмануила; впрочемъ правительство его, кажется, сильно увѣрено въ продолжительности мира, такъ какъ оно усердно занимается приведеніемъ въ исполненіе громаднаго проекта г. Габріелли, именно засыпаніемъ части залива неаполитанскаго, находящейся между Кіатамоне и Маргалина, чтобы составить такимъ образомъ часть города, которая вскорѣ застроится зданіями, такъ какъ въ Неаполѣ много денегъ и ежедневно усиливается довѣріе къ мудрости и прочности правительства.

Распространившійся слухъ о новыхъ замыслахъ Гарибальди, не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія; поводомъ къ нему послужило извѣстіе объ уличной демонстраціи, происходившей 13 марта въ Пестѣ. Двѣсти или триста безумцевъ, пробѣгая по городскимъ улицамъ кричали, что Кошутъ и Гарибальди станутъ во главѣ мятежа. Не трудно было разогнать этотъ сбродъ, который разбилъ только окна у мирныхъ жителей и затѣмъ главныхъ виновниковъ нарушенія порядка полиція арестовала, не смотря на то, что это былъ день годичной ярмарки и на огромное стеченіе народа, преимущественно сельскихъ жителей.

Изъ Франціи извѣщаютъ, что передъ отъѣздомъ изъ Парижа эрцгерцога Максимиліана императоръ Наполеонъ увѣрилъ его, что въ продолженіи нынѣшняго года войны въ Европѣ не будетъ, по крайней мѣрѣ Франція не подастъ къ ней сигнала.

Посѣщеніе французскаго двора саксенъ-кобургскимъ принцемъ Эрнестомъ подало поводъ къ самымъ разнообразнымъ догадкамъ. Утверждали, что дядя дѣтей принца Альберта и королевы Викторіи желалъ склонить императора въ пользу принца аугустенбургскаго. Предположенія доходили до того, что принцъ Эрнестъ обѣщалъ будто бы Наполеону III содѣйствіе союзнаго сейма и второстепенныхъ державъ, въ случаѣ, если онъ согласится взять въ свои руки дѣло германской національности противъ Австріи и Пруссіи. Кому же тутъ не очевиденъ безсовѣстный обманъ; никогда принцъ Эрнестъ не запятнаетъ себя измѣной своему германскому отечеству; никогда не выступитъ онъ съ мыслію о воскресеніи рейнскаго союза, преданнаго народомъ вѣчному осужденію.

Среди мрака, облекающаго переговоры кабинетовъ парижскаго и лондонскаго, несомнѣннымъ кажется, что Наполеонъ III неизмѣнно придерживается трактата 1852 года, гарантировавшаго нераздѣльность датской монархіи; это подтверждается циркуляромъ г. Друенъ де Люи, 27 февраля разосланнымъ къ французскимъ уполномоченнымъ при иностранныхъ дворахъ, въ которомъ извѣщается, что Франція готова принадлежать къ конференціи, предложенной Англіей, съ присовокупленіемъ, что считаетъ необходимымъ участіе въ ней союзнаго сейма и Даніи. Тогда еще можно было сомнѣваться въ согласіи Франкфурта и Даніи на конференцію, но по послѣднимъ извѣстіямъ взглядъ сейма значительно измѣнился и по всей вѣроятности съ этой стороны неугрожаютъ никакія дѣйствительныя затрудненія.

Во французскомъ циркулярѣ нѣкоторые видятъ оттѣнки во взглядѣ г. Друенъ де Люи на политику Австріи и Пруссіи. Онъ полагаетъ, что въ Вѣнѣ считается трактатъ 1852 года базисомъ, на основаніи котораго могутъ быть заключены новые договоры, такъ какъ нераздѣльность датской державы находится подъ покровительствомъ Европы. Что же касается Пруссіи, то французскій министръ говоритъ, что нѣтъ повода полагать, чтобы берлинскій кабинетъ имѣлъ по этому предмету другое убѣжденіе.

Изо всѣхъ этихъ полученныхъ изъ разныхъ странъ извѣстій видно, что великія державы жаждутъ мира, что лихорадочное настроеніе второстепенныхъ германскихъ державъ простыло, что Даніи не стыдно уступить австро-прусскимъ требованіямъ и что партія безначалія всюду падаетъ.

WIADOMOŚCI ZAGRANICZNE.

POGLĄD OGÓLNY.

Wiadomość wielkiéj wagi, zawarta w depeszy wysłanéj z Wiednia w przeszłą środę, 16 marca wieczorem, o rozejmie między Danją z jednéj, a Austrją i Prusami z drugiéj strony, wielce uradowała Europę, która widzi w tym kroku wstęp do polubownego załatwienia nieszczęsnéj zatargi, trzymającéj wszystkie państwa w trwodze i konieczności utrzymywania wojsk swoich na stopie zbrojnéj.

Sprawa duńsko-niemiecka nie może i nie powinna wywołać ogólnego pożaru, ale zwolennicy tego obrótu rzeczy nie chcą oswoić się z myślą porządku; boli ich, że usiłowania wielkich mocarstw obracają w niwecz ich występne i nieludzkie pragnienia, że dążą do przywrócenia pokoju, pod opieką którego jedynie dojrzeć mogą zagajone wszędzie dobroczynne zmiany, występują więc z pieniackiemi wymysłami i starają się, jeżeli nie obalić, to przynajmniéj nadwątlić wiarę w błogie nadzieje, jakie depesza wiedeńska obudziła. Biorąc pod drobiazgowy rozbiór pojedyńcze wyrazy rzeczonéj depeszy i krając je nielitościwym anatomicznym nożem, silą się wydobyć z nich fibry urojonych wątpliwości. A lubo nie zaprzeczają, że dziennik wiedeński Korrespondencja powszechna, zostaje w pofufnych stosunkach z hrabią Rechberg, udają niepodobieństwo uwierzenia w rozejm, przy warunku zachowania obecnego położenia stron wojujących względem siebie. Według nich, Austrja nie może chcieć pokoju, utrzymanie statu quo spełnić się nie da; wyrażona przez Danję nadzieja, że mocarstwa niemieckie wojskom swoim nakażą zaniechać wszelkiego postępu naprzód jest istnem urojeniem. Cieszą się, że choćby do zawieszenia broni przyszło, choćby tak pożądana dla wszystkich ludzi dobrze myślących konferencja zagaić się w Londynie dała, tedy i wówczas z lada pozoru wojna zapali się na nowo i oręż tylko ten gordyjski węzeł rozstrzygnąć zdoła. Ludzie téj barwy, niemogąc zaczerpnąć dowodów z rozumu i ze sprawiedliwéj oceny politycznego stanu Europy, rzucają się na mniéj więcéj nieokreślone wyrażenia depesz, z trzech różnych stolic, a mianowicie: z Wiednia, Berlina i Londynu w przeszły czwartek wyprawionych; gonią za różnicami, jakie w tych doniesieniach z ostrowidzową przenikliwością dopatrzyć pragną; odwołują się do wyrazów dziennika Korrespondencja powszechna, donoszących, że umieszczona przezeń wiadomość o zawieszeniu broni, przyjętem przez Danję, nie obejmuje bezwarunkowego przychylenia się do podanych sobie przełożeń. Również chcieliby wyczytać w słowach Północno-niemieckiéj Gazety ogłoszonych w przeszły czwartek, że taż gazeta, w wiadomościach wprost z Londynu otrzymanych, nie znajduje wzmianki o gotowości Danji do przyzwolenia na rozejm. Nakoniec przytaczają oświadczenie lorda Palmerston tegoż dnia 17 marca wieczorem, w izbie gmin uczynione: „że rząd angielski odebrał przyzwolenie Austrji i Prus na konferencję; lecz czeka jeszcze na urzędową odpowiedź Danji, chociaż ma uzasadnione powody do nadziei i wiary, że Danja zgodzi się na otwarcie konferencji." Owoż, ponieważ lord Palmerston nic o zawieszeniu broni nie powiedział, dziennikarze o których mowa, tryumfują twierdząc, że do polubownego załatwienia w żaden sposób przyjść nie może. Słusznie Dziennik francuzki petersburgski uważa: że różnice między doniesieniami czasopisma wiedeńskiego, które mówi tylko o zawieszeniu broni, a berlińskiego, które donosi o przyzwoleniu Danji na konferencję, przypisać należy mimowolnemu opuszczeniu redaktorów tych depesz telegraficznych. Co się zaś ściąga do oświadczenia lorda Palmerstona, mógł on, oznajmnjąc o zgodzeniu się Austrji i Pruss na konferencją, tudzież o uzasadnionéj nadziei, że Danja podobnież do niéj przystąpi, rozumieć i rozejm, będący najprostszą wynikłością samego zagajenia konferencji. Dzienniki z dnia 18 marca przyniosą nam zapewne bliższe objaśnienia, nie omieszkamy udzielić ich czytelnikom Kurjera.

Z Włoch dowiadujemy się, że dnia 13 marca z powodu rocznicy urodzin króla Wiktora Emmanuela (14 marca 1820) i rozpoczęcia przezeń 45-go roku życia, ogłoszono amnestję dla wyłamujących się od służby morskiéj. Tegoż dnia nadeszła wiadomość do Turynu, że najstraszniejszy z hersztów zbojeckich we Włoszech południowych, Ninco-Nanco poległ, zabity w utarczce z gwardją narodową avigliańską, w któréj cała jego drużyna do szczętu wyginęła.

Czytelnicy Kurjera pamiętają zapewne, że w roku przeszłym, czteréj zbójcy opatrzeni w pasporty i listy z Rzymu, zamierzali uciec do Hiszpanji, na parostatku francuzkim Aunis; że schwytanie ich, przez władze włoskie, w Genui, dało powód do rokowań dyplomatycznych, w skutek których rząd włoski, wynagradzając krzywdę wyrządzoną fladze francuzkiéj, musiał wydać tych więźniów władzom cesarskim; że dopiéro po przeświadczeniu się o ich rzeczywistych zbrodniach, odesłano ich znowu do Włoch. Owóż, według depeszy telegraficznéj z Paryża, 14-go marca, zapadł w Neapolu wyrok, mocą którego, bracia Cipriano i Giano la Gala skazani zostali na śmierć; Papa do ciężkich robót na całe życie, a Davanzo na lat 20.

Dzienniki włoskie, mówiąc o spełnieniu wyroku, podając szczegóły o śmierci Ninco-Nanco, oraz donosząc o zupełnem niemal wytępieniu zbójectwa, wzywają rząd do dalszego działania z dotychczasową sprężystością.

Czynią słuszną uwagę, iż najusilniéj czuwać mu należy nad przecięciem wszelkiéj możności powrótu do krajów neapolitańskich zbójcom, którzy w liczbie około 300, znaleźli przytułek w Rzymie i za najskuteczniejszy do tego środek poczytują: przesłanie ich nazwisk i rysopisów władzom francuzkim, dla odjęcia tym zbrodniarzom wszelkiéj możności przekroczenia granicy.

Parlament włoski roztrząsa tymczasem ważny projekt do prawa ujednostajnienia, we wszystkich krajach królestwo składających, podatku gruntowego. Objaśnienia złożone przez ministra skarbu pana Minghetti, usunęły wszystkie poprawy, które przyjęcie tego projektu czyniły wątpliwem. Już pierwszy jego artykuł, stanowiący, że ilość podatku z ziemi ma wynosić sto miljonów, został przyjęty przez izbę bez wielkiego oporu. Według rozkładu, Piemont opłaci 20; Lombardja $17\frac{1}{2}$; byłe księstwo modeńskie $3\frac{1}{2}$; Toskanja 8; byłe kraje papieskie $11\frac{1}{2}$; neapolitańskie $33\frac{1}{2}$; Sycylja 10; Sardynja 2 miljony i pół. Uzbrojenia, wobec ruchu panującego w części Włoch austrjackich, są dosyć widoczne w królestwie Wiktora Emmanuela; wszakże rząd jego zdaje się najmocniéj wierzyć w trwałość pokoju, bo szczerze krząta się około wykonania olbrzymiego projektu pana Gabrielli, a mianowicie, aby część zatoki neapolitańskiéj, między Chiatamone i Margaliną zasypać i utworzyć z niéj nową dzielnicę miasta, która prędko okryje się budowlami, bo w Neapolu dużo jest pieniędzy, a ufność w mądrość i trwałość rządu z każdym dniem wzrasta.

Rozszerzana pogłoska o nowych zamachach Garibaldiego nie zasługuje na najmniejszą uwagę; dała zapewne do niéj powód wieść o zbiegowisku, jakiego zagorzalcy dopuścili się w Peszcie, stolicy węgierskiéj dnia 13 marca.

Znalazło się 200 do 300 zuchwalców, którzy przebiegając ulice wołali, że Kossuth i Garibaldi przybędą stanąć na czele powstania. Łatwo rozpędzono tę zgraję, która powybijawszy tylko okna spokojnym mieszkańcom, mimo, że był to dzień dorocznego jarmarku i mnogiego zjazdu wiejskiego zwłaszcza ludu, z największą łatwością dała uwięzić policji przewodniczących sobie wichrzycieli.

Z Francji doszła wiadomość, że arcy-książę Maksymiljan, wyjeżdżając z Paryża otrzymał z ust cesarza Napoleona zapewnienie, że w ciągu bieżącego roku nieprzyjdzie do wojny w Europie, a przynajmniéj, że Francja nie wyda do niéj hasła.

Odwiedziny książęcia Ernesta sasko-koburgskiego na dworze francuzkim otworzyły pole do najrozmaitszych domysłów. Utrzymywano, że stryj dzieci książęcia Alberta i królowéj Wiktorji, pragnął zjednać cesarza dla książęcia Frederyka na Augustenburgu; domysły posunięto tak daleko, że książę Ernest miał przyrzec Napoleonowi III spółdziałanie sejmu związkowego i drugorzędnych panujących, jeśliby chciał ująć w swe ręce sprawę narodowości niemieckiéj, przeciw Austrji i Prusom. Któż nie widzi wierutnego w tém fałszu; nigdy książę Ernest nie splami się zdradą niemieckiéj ojczyzny; nigdy nie wystąpi z pomysłem wskrzeszenia Ligi reńskiéj, któréj pamięć sumienie narodu na wieki potępiło.

Wśród mgły otaczającéj rokowania gabinetów paryzkiego i londyńskiego to zdaje się być rzeczą niezawodną, że Napoleon III trwa niezłomnie przy traktacie 1852, który zaręczył całość posiadłości korony duńskiéj. Potwierdza to okolnik p. Drouyn de Lhuys rozesłany dnia 27 lutego do pełnomocników francuzkich przy dworach obcych, a w którym uwiadamia, że Francja gotowa jest należeć do konferencji przez Augliję zagajonéj, dodając, że uczęstnictwo w niéj sejmu związkowego i Danji uważa za potrzebne. Wówczas, kiedy rzeczony okolnik był podpisany, przyzwolenie frankfurckie i duńskie było jeszcze wątpliwém, lecz według ostatnich wiadomości, pogląd sejmu znacznie się zmienił i według wszelkiego podobieństwa do prawdy, żadna istotna trudność już dziś niezagraża z téj strony.

Niektórzy zdają się postrzegać w okolniku francuzkim pewny odcień, co do poglądu pana Drouyn de Lhuys na politykę austrjacką i pruską. Sądzi on, że w Wiedniu, traktat 1852 uważany jest za podstawę nowych układów, bo według stanowczych zapewnień gabinetu austrjackiego, zasada całości monarchji duńskiéj znajduje się pod opieką Europy. Co do Prus, minister francuzki mówi, że niema powodu do sądzenia, aby przekonania gabinetu berlińskiego były w téj mierze odmienne.

Z tych wszystkich, z rozmaitych stron dochodzących wiadomości jasno widać: że wielkie mocarstwa pragną pokoju, że gorączkowy nastrój drugorzędnych państw niemieckich ostygł, że Danja nie zhańbi się, ustępując słusznym skądinąd austrjacko-pruskim wymaganiom i że stronnictwo nieładu wszędzie na głowę upada!

ФРАНЦІЯ.

Въ газетѣ „Nord“ напечатано:

Г. Эмиль Жирарденъ въ газетѣ „Presse“ вновь возстаетъ противъ воинственной партіи, представителями которой служатъ газеты „Siècle и Opinion nationale“, воспользовавшіяся предстоящими выборами для поднятія знамени, которое они, казалось, на время хотѣли въ тѣни оставить. Усумнившись, что это—партія молодежи, какъ увѣряетъ, „Opinion nationale“, г. де Жирарденъ прямо говоритъ, что это—партія *не человѣчества*.

„Что говоритъ она о *палачахъ*? Три палача, повалившіе тысячекратно болѣе головъ, чѣмъ русскіе генералы, занявшіе въ Польшѣ мѣсто маркиза Велепольскаго, именуются: l'Opinion nationale, la Patrie et le Siècle! Лживо доказываютъ эти три журнала, что они толкователи чувствъ и мнѣнія Франціи; не изловчайся они убѣждать читателей, что выражаютъ заднюю мысль императора Наполеона III,—прошлогодняя инсуррекція была бы не что иное, какъ простое заявленіе, которое, конечно, Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II принялъ бы во вниманіе. Не будь этихъ трехъ злонамѣренныхъ газетъ, Польша управлялась бы нынѣ сама собой; она бы процвѣтала; изъ нея повсемѣстно не раздавался бы запахъ разлагающейся мертвечины; Варшава и Краковъ не были бы могилами, Галиція не была бы объявлена въ осадномъ положеніи!... Вѣдь такъ не трудно сбить съ пути пылкіе умы, которые только того и добиваются! Вѣдь такъ легко дѣйствовать на людей, уже фанатизированныхъ ксендзами и женщинами!

„Воинственная партія тоже въ политической прессѣ, что мелодрамма въ дрматической литературѣ; это партія площадныхъ выраженій и громкихъ фразъ, обращаемая къ той публикѣ, университетами коей суть театры тампльскаго бульвара.

„Воинственная партія безстыдно отрицаетъ исторію. Которая нація, начиная съ Франціи 1864 года и кончая Польшей 1772 года, не составляетъ кучи остатковъ вымирающихъ національностей, которыя поглощены національностію, поглощающею ихъ путемъ формаціи? Гдѣ начинаются національности и гдѣ онѣ кончаются? Чрезъ сколько лѣтъ господства начинаютъ онѣ старѣться? Менѣе ли правъ у Ирландіи, чѣмъ у Польши? У Польши болѣе ли правъ, чѣмъ у Ирландіи? Данія, сторону которой принимаетъ воинственная партія, имѣетъ ли болѣе законныхъ основаній, чѣмъ Россія относительно Польши, для господствованія въ двухъ герцогствахъ, протестующихъ противъ нея вотъ уже 25 лѣтъ? Воинственная партія, ты, которая желаешь, чтобы Франція отправилась на Вислу, будь же послѣдовательной! Тогда уже апплодируй Австріи и Пруссіи, приказывающимъ войскамъ своимъ переправиться черезъ Эйдеръ съ цѣлію освободить Шлезвигъ и Голштейнъ!... Но ты не токмо партія невѣжества; ты сверхъ того еще партія непослѣдовательности!“

Напомнивъ, что во имя принципа національностей нѣмцы въ правѣ были бы требовать Эльзаса, который, по словамъ ихъ, *отнятъ у нихъ частію въ 1648 г., частію же въ 1798 году*, г. де Жирарденъ приводитъ слѣдующія строки изъ рукописи XVIII столѣтія графа Брогліе, озаглавленной Idée de la republique de Pologne:

„Самый ничтожный дворянинъ трехъ генерацій такой же господинъ на своей землѣ и пользуется такою же свободою въ республикѣ, какъ и самый знатный господинъ, украшенный множествомъ титуловъ; ему предоставлено право жизни и смерти надъ подвластными ему крестьянами; онъ имѣетъ право добывать соль, разные металлы и распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Его можно арестовать только въ случаѣ доведенія его до сознаніи въ совершеніи имъ преступленія. Онъ имѣетъ право убѣжища въ своемъ домѣ, такъ, что лицъ, тамъ скрывшихся, оттуда нельзя извлечь силой и юстиція въ этомъ случаѣ можетъ только отдать ихъ на поруки владѣльцу имѣнія, на его собственную отвѣтственность.

„Дворянинъ, будучи депутатомъ (nonce), вправѣ прервать сеймъ одной личной своей оппозиціею; имѣетъ право избирать короля, наконецъ онъ можетъ достигнуть главныхъ должностей республики и даже престола.... Плебея же, дерзнувшаго присвоить себѣ преимущества или права, предоставленныя дворянамъ, наказываютъ конфискованіемъ всѣхъ его имуществъ; буде же у него таковыхъ неокажется, то его заключаютъ на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму. Строгость тутъ до того доходитъ, что часто всякому дозволяется его убить безъ опасенія подвергнутся за таковое убійство какому нибудь наказанію.“

Затѣмъ г. де Жирарденъ заимствуетъ слѣдующія слова изъ „Histoire de France“ г. Генриха Мартина отъ 1762 года:

„Будь Польша настоящей демократіей, слѣдовало бы освободить ее отъ призрака королевской власти; но *она была дворянской анархіей, владычествовавшій надъ громаднымъ рабствомъ*.“

Наконецъ, послѣ третьяго цитата, заимствованнаго на этотъ разъ у Жанъ Жака Руссо, г. Жирарденъ заключаетъ статью слѣдующими словами.

„Во истину, вы во зло употребляете слово *національность*; вы ему придаете несвойственный ему смыслъ,—смыслъ, противъ котораго возстаетъ исторія всего міра. А доказательство, что вы злоупотребляете этимъ словомъ, когда рѣчь ведете о Польшѣ, то, что Польша не возставала въ 1863 году. Еслибы она дѣйствительно возстала, инсуррекція не ограничилась бы небольшими шайками, то и дѣло бѣгущими; тогда бы инсуррекція овладѣла хотя однимъ городомъ, который бы сдѣлала мѣстопребываніемъ своего правительства; оно бы тамъ укрѣпилось; могло бы сбросить съ себя маску и показаться, для того, чтобы имѣть основаніе, какъ бы слабо оно ни было, именоваться и быть признанной воюющею стороною. Серіозно говоря, могъ ли хотя одинъ благоразумный полякъ когда либо вѣрить, что Англія и Франція признаютъ воюющей державой..... кого и что?... подпольное правительство и неуловимыя шайки?“

Парижъ, 12-го марта. Во вчерашнемъ засѣданіи сената доложено прошеніе отставнаго артиллерійскаго капитана Мерлена, изъ Брюйера, который въ восторженныхъ выраженіяхъ, какъ замѣтилъ докладчикъ Ройе, жалуется на возрастающую безнравственность и требуетъ строгихъ законовъ противъ слишкомъ свободнаго и безнаказаннаго распространенія антирелигіозныхъ сочиненій, которыя должно считать настоящею причиною зла. Коммисія предложила перейти къ очереднымъ дѣламъ. Сужденіе отложено до будущаго вторника.

— Между императоромъ Наполеономъ и эрцгерцогомъ Максиміліаномъ, по увѣренію „Mémorial diplomatique,“ заключенъ договоръ, на основаніи котораго французскія войска будутъ постепенно очищать Мексику, иностранный полкъ въ 6,000 волонтеровъ остается въ Мексикѣ въ распоряженіи будущаго императора, мексиканское правительство уплачиваетъ долгъ Франціи въ четырнадцать годовыхъ сроковъ, и именно въ каждый по 25 милліоновъ франковъ.

— Прибытіе въ Парижъ герцога саксенъ-кобургъ-готскаго произвело сильное впечатлѣніе на парижскую публику. Парижскіе журналы видятъ въ этомъ фактѣ попытку второстепенныхъ германскихъ государствъ къ сближенію съ Франціею, чтобы добиться ея поддержки въ пользу герцога аугустенбургскаго. Герцогъ Эрнестъ имѣлъ недавно долгое совѣщаніе съ барономъ Будбергомъ.

— Въ Парижѣ образовался комитетъ для содѣйствія распространенію и развитію рабочихъ ассоціацій. Въ числѣ членовъ этого комитета находятся лица всѣхъ оттѣнковъ оппозиціи. Президентомъ комитета избранъ г. Одилонъ-Барро.

ГРЕЦІЯ.

Въ Аѳинахъ безпокойства не прекращаются. Ихъ вызываютъ малѣйшія обстоятельства. Студенты университета, образующіе баталіонъ національной гвардіи, на дняхъ приступили къ выбору командира; при этомъ случаѣ произошли довольно важные безпорядки и многія лица были ранены. Послѣ того какъ ректоръ напрасно пытался возстановить порядокъ, курсы закрыты на три недѣли.

— Въ Корфу получено приказаніе изъ Лондона пріостановить разрушеніе укрѣпленій.

ТЕЛЕГРАФИЧЕСКІЯ ДЕПЕШИ.

ВѢНА, 16 марта. „Генеральная Корреспонденція“ объявляетъ, что по самымъ положительнымъ извѣстіямъ, прямо полученнымъ изъ Копенгагена, Данія приняла предложеніе двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ о перемиріи, которое будетъ заключено съ сохраненіемъ нынѣшняго statu quo; при этомъ, она выразила лишь надежду, что союзныя войска немедленно остановятъ свое движеніе.

„Генеральная Корреспонденція“ прибавляетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, датское правительство заявило свою готовность не тревожить и не захватывать нѣмецкихъ судовъ на будущее время.

ВѢНА, 17 марта вечеромъ. „Генеральная Корреспонденція“ говоритъ сегодня по поводу вчерашняго сообщенія своего о новомъ положеніи Даніи въ отношеніи къ вопросу о перемиріи, что извѣстіе это было основано на одномъ увѣдомленіи (Meldung), касательно должнаго отвѣта на австро-прусскія предложенія. Но—прибавляетъ „Генеральная Корреспонденція“, упомянутой отвѣтъ не заключаетъ въ ней безусловнаго принятія этихъ предложеній.

БЕРЛИНЪ, 17-го марта вечеромъ. Въ Сѣверогерманской газетѣ“ читаемъ:

Между тѣмъ какъ одна вѣнская депеша извѣщаетъ о согласіи Даніи на предложеніе созвать конференцію, извѣстія, полученныя прямо изъ Лондона, свидѣтельствуютъ, что тамъ еще ничего не знаютъ о предложеніи Даніи согласиться на перемиріе.

Занятіе острова Фемерна прусскими войсками подтверждается оффиціально.

ЛОНДОНЪ, 17 марта вечеромъ. Лордъ Пальмерстонъ объявилъ въ нижней палатѣ слѣдующее:

„Извѣстно, что Австрія и Пруссія уже выразили англійскому правительству свое согласіе на предложеніе конференціи. Правительство ожидаетъ теперь оффиціальнаго отвѣта Даніи. Есть основательные поводы надѣяться, что Данія согласится на созваніе конференціи.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ЕЛЕНА ІОАННОВНА, ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЛИТОВСКАЯ И КОРОЛЕВА ПОЛЬСКАЯ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Продолженіе).

Сильныя русскія воинства, предводительствуемыя племянникомъ московскаго государя, княземъ Ѳедоромъ Васильевичемъ Рязанскимъ, которому сопутствовало множество воеводъ и бояръ, въ томъ числѣ и литовскихъ; княземъ Даніиломъ Васильевичемъ Щеней и князьями Воротынскими, громили литовскія земли. Литовскія полчища не могли устоять противъ московскихъ дружинъ; нѣкоторые города, какъ напримѣръ Мѣховскъ, видя невозможность борьбы, сами сдавались русскимъ. Успѣху русскаго оружія въ Литвѣ немало способствовало то обстоятельство, что жители, преимущественно нѣкоторые боярскіе роды, вполнѣ сознавали свою родственную связь съ Москвой, и многіе изъ нихъ служили даже въ рядахъ царскаго воинства. Великій князь Александръ, узнавъ объ опасности, угрожающей Смоленску, объявилъ, что со всѣми своими силами самъ намѣренъ выступить въ походъ; но это возвѣщеніе осталось безъ всякихъ результатовъ. На литовскомъ сеймѣ постановлено: за безденежьемъ оставить всякое помышленіе о борьбѣ съ Россіей, а попытаться еще разъ заключить съ Іоанномъ III трактатъ о мирѣ. И дѣйствительно, большое посольство было отправлено въ Москву. Послами были: троцкій воевода и земскій литовскій маршалъ Петръ Ивановичъ Бѣлый и жмудскій староста Станиславъ Ивановичъ Гаштольдъ. Еще 6 ноября 1493 дана имъ была подробная инструкція, чего именно имъ домагаться у Царя; а въ январѣ 1494 г. посольство прибыло въ Москву.

Приводимъ извлеченіе изъ статейнаго списка этого посольства *). Сперва рѣчь идетъ о вознагражденіи вреда, нанесеннаго Іоанномъ литовскому государству; земли и города, принадлежавшія Литвѣ во времена Витольда, Сигизмунда и отца Александрова Казиміра слѣдуетъ оставить за Литвой; что же искони принадлежало Россіи, то пусть и впредь ей принадлежитъ. Затѣмъ миръ и союзъ да воцарятся между обоими государствами. „А коли то дастъ Богъ, межи нами будетъ, тогды все въ томъ межи насъ будетъ, любовь и докончанье и доброе житье и вѣчная пріязнь, потому, какъ было за дѣда нашего за великаго князя Витовта.“ И для вящшаго закрѣпленія дружественныхъ отношеній, Александръ проситъ руки дочери Іоанновой: „Колижъ того Богъ похотѣлъ, хотѣли быхмо, зъ Божьею помочью, съ тобою лѣпшаго (лучшаго) пожитья и вѣчноѣ пріязни: была ль бы на,

*) Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею. С. Петербургъ, 1846. Т. 1-й (1340—1506), стр. 134, № 114.

FRANCJA.

W dzienniku paryzkim le Nord czytamy:

W dzienniku la Presse, p. Emile de Girardin powstaje znowu gwałtownie przeciwko stronnictwu wojowniczemu, reprezentowanemu przez Siècle i Opinion nationale, które korzystając z blizko przyszłych wyborów wywiesiły chorągiew, którą czas jakiś zdawały się trzymać w ukryciu. Wyraziwszy powątpiewanie swoje, ażeby to stronnictwo miało być stronnictwem młodzieży, jak to wmówić usiłuje Opinion nationale p. de Girardin wypowiada otwarcie, że nie jest ono bynajmniéj „stronnictwem ludzkości.“

„Co ono mówi o „oprawcach!“

„Trzej oprawcy, którzy ścieli tysiąc razy więcéj głów niż padnie ich kiedykolwiek z ręki jenerałów rossyjskich, którzy zajęli w Polsce miejsce margrabiego Wielopolskiego, ci trzéj oprawcy nazywają się: Opinion nationale, Patrie i Siècle! Gdyby te trzy dzienniki nie głosiły kłamliwie, że były tłumaczami uczuć całéj Francji, gdyby nie kazały zręcznie uwierzyć, że wypowiadają myśl ukrytą cesarza Napoleona III, powstanie wybuchłe w ostatnim roku byłoby tylko protestacją, którąby zapewne zwróciła na się uwagę Cesarza Aleksandra II. Gdyby nie te trzy dzienniki kłamliwe, Polska rządziłaby się dziś własnemi siłami, zakwitłaby pomyślnością i niebyłaby owianą wszędzie wonią gnijących trupów; Warszawa i Kraków nie stałyby się grobami; Galicja nie znalazłaby się w stanie oblężenia. O, jakże łatwo wprowadzić w obłęd zagorzałe głowy, które pragną tylko złudzeń! Jak łatwo działać na ludzi już sfanatyzowanych przez księży i przez kobiety!

„Stronnictwo wojny jest w dziennikarstwie politycznem tém, czém melodramat w literaturze dramatycznéj: jest to stronnictwo mające na ustach obelgi i szumne frazesa, przypadające tak do serca i będące w użyciu u téj saméj publiczności, dla których teatra na bulwarze du Temple były uniwersytetami.

„Stronnictwo wojny jest bezczelnem przeczeniem nauki dziejów. Wskażcie nam narod, zacząwszy od Francji 1864 i skończywszy na Polsce 1772 r., ktoryby nie był szczątkiem narodowości upadłych pochłoniętych przez narodowość, która wsiąka w siebie nowe twórcze pierwiastki? Gdzie się zaczynają, a gdzie się kończą narodowości? Ilu lat panowania potrzeba, ażeby one uległy przedawnieniu? Miałażby Irlandja mniejsze mieć prawa niż Polska? Azali Polska więcéj ma praw od Irlandji? Na jakich prawach słuszniejszych od tych, jakie służą Rossji względem Polski, Danja, w któréj obronie staje stronnictwo wojny, opiera roszczenia swoje, ażeby narzucić panowanie swoje dwóm księstwom, które protestują przeciwko niemu od lat dwudziestu pięciu? Stronnicy wojny, którzy chcecie, ażeby Francja szła nad Wisłę, bądźcież zgodni sami z sobą! przyklaśnijcie więc Austrji i Prusom, które każą przejść swoim wojskom Ejderę, ażeby wyswobodzić Szlezwig i Holsztynję! Lecz jesteście nie tylko stronnikami nieświadomości, ale i stronnikami niekonsekwencji.“

Przypomniawszy potém, że w imię zasady narodowości Niemcy mogliby rościć prawo do Alzacji, która, jak utrzymują, została im odjętą częścią w 1648, częścią zaś w 1798 roku, p. de Girardin przytacza następujący ustęp z rękopismu XVIII wieku hrabiego de Broglie, p. t. „Pomysły o rzeczypospolitéj polskiéj.“

„Najmniejszy szlachcic od trzech pokoleń jest takim samym panem w swojéj majętności i również swobodnym w rzeczypospolitéj, jak największy magnat ozdobiony mnóstwem tytułów; posiada on prawo życia i śmierci nad włościanami, którzy są jego poddanymi; ma prawo wydobywać z łona ziemi sól i rozmaite kruszcze i obracać je na swą korzyść; może być uwięzionym tylko wtenczas, gdy zostanie przekonanym o zbrodnię; ma prawo dawania przytułku w swoim domu, tak, że chyba przemocą tylko można wydobyć stamtąd ludzi, którzy tam znaleźli schronienie, a sprawiedliwości w podobném zdarzeniu pozostaje tylko oddać ich w jego ręce na jego osobistą odpowiedzialność.

„Służy mu również prawo, gdy jest posłem, zrywać sejmy, wystąpiwszy z jednym przeciwnym głosem; ma prawo wybierać króla i nakoniec może osięgnąć najpierwsze zaszczyty w rzeczypospolitéj, a nawet zasiąść na tronie. Plebejusz, któryby się ośmielił zamarzyć o przywłaszczeniu sobie zaszczytów i praw służących stanowi szlacheckiemu, podlega karze konfiskaty wszystkich dóbr swoich, albo, jeżeli nie jest possessjonatem, że użyjemy utartego w tamtym kraju wyrażenia, podlega aresztowi w więzieniu w przeciągu sześciu miesięcy. Surowość prawa posuwa się nawet do tego stopnia, że wolno jest często każdemu zabić go, bez żadnéj obawy kary za podobną zbrodnię.“

Daléj p. Girardin przytacza z Historji Francji r. 1762 p. Henryka Martin, następujące słowa:

„Gdyby Polska była istotną demokracją, byłoby może dobrze uwolnić ją od widma królewskości; lecz ona była anarchją szlachecką, dzierżącą w swym ręku olbrzymie jarzmo niewoli.“

Nakoniec przytoczywszy jeszcze trzeci ustęp z dzieła J. J. Rousseau, p. de Girarddin kończy rzecz swoją w następnych słowach:

„Zaprawdę, nadużywacie wyrazu narodowość; tak, przypisujecie mu znaczenie, jakiego niema, znaczenie przeciw któremu świadczą głośno dzieje całego świata, a że go nadużywacie, mówiąc o Polsce, dowodzi to, iż fałszem jest jakoby Polska powstała w 1863 r. gdyby ona powstała, insurrekcja nie ograniczyłaby się do drobnych band uciekających bezustannie, ażeby powrócić, i wracających znowu na to tylko, ażeby uciec natychmiast. Powstanie zdobyłoby sobie wówczas przynajmniéj jedno miasto, w którém założyłoby siedlisko swego rządu, któryby pod osłoną wzniesionych tam warowni, mógłby zrzucić z siebie maskę i dać się poznać, ażeby mieć prawo, jakkolwiekby był słabym, do nadania mu tytułu i do uznania go za stronę wojującą. Zaprawdę, czyż choć jeden Polak poważnie myślący, mógł kiedykolwiek wierzyć, że Anglja i Francja uznają za państwo wojujące... kogo i co? rząd tajemny i niepochwytne bandy.“

Paryż, 12 marca. Na wczorajszém posiedzeniu senatu wniesiono referat prośby dymissjonowanego kapitana artyllerji Merlin de Bruyère, który górnym stylem, jak zauważył sprawozdawca Royer, użala się na wzrastającą niemoralność, i domaga się surowego prawa na zbyt swobodne a bezkarne szerzenie się dzieł przeciwnych religji, które poczytywać należy za istotną przyczynę złego. Komissja zaproponowała przejść do porządku dziennego. Rozprawy odłożono do przyszłego wtorku.

— Cesarz Napoleon z jednéj i arcyksiążę Maksymiljan z drugiéj strony, wedle zapewnienia „Mémorial diplomatique“ zawarli umowę, w skutek któréj wojska francuzkie będą powoli wycofywane z Meksyku; hufiec cudzoziemski złożony z 6,000 ochotników pozostanie tam w rozporządzeniu przyszłego cesarza; rząd meksykański spłaci należność Francji ratami w ciągu lat czternastu, wnosząc corocznie po 25 miljonów franków.

— Przyjazd księcia sasko-koburgsko-gotajskiego do Paryża sprawił mocne wrażenie na umysłach tamecznéj publiczności. Dzienniki paryzkie widzą w tym fakcie pokuszenie się drugorzędnych państw niemieckich o porozumienie z Francją, celem otrzymania jéj poparcia dla księcia Augustenburskiego. Książę Ernest temi dniami długo się naradzał z baronem Budberg.

— W Paryżu zawiązał się komitet zamierzający dopomagać pomnożeniu i rozwojowi stowarzyszeń wyrobniczych. W liczbie członkow tego komitetu są przedstawiciele wszystkich odcieniów oppozycji. Na prezesa komitetu wybrano p. Odillon-Barrot.

GRECJA.

W Atenach ciągle panują zaburzenia, wszczynające się z lada najmniejszego powodu. Studenci uniwersytetu, stanowiący bataljon gwardji narodowéj, temi dniami zgromadzili się na wybory dowódcy; podczas tego zaszła dosyć ważna zamieszka i wiele osob odniosło rany. Rektor usiłował przywrócić zamącony pokój, ale gdy to się niepowiodło, kursa zostały na trzy tygodnie zawieszone.

— W Korfu otrzymano rozkaz z Londynu, aby burzenie warowni przerwano.

DEPESZE TELEGRAFICZNE.

WIEDEŃ, środa 16 marca wieczorem. Dziennik Korrespondencja powszechna oznajmuje, że wiadomości otrzymane wprost z Kopenhagi zapewniają w sposób zupełnie stanowczy, że Danja przyjęła przełożenie dwóch wielkich mocarstw niemieckich, zawarcia rozejmu na podstawie utrzymania obecnego stanu rzeczy z wynurzeniem nadziei, że wojska sprzymierzone natychmiast wstrzymają dalszy swój pochod. Tenże dziennik dodaje, że rząd duński oświadczył gotowość do zaniechania nadal gonitw morskich na okręta niemieckie.

WIEDEŃ, czwartek 17 marca wieczorem. Dziennik Korrespondencja powszechna pisze dziś, z powodu wczoraj udzielonéj przez siebie wiadomości o zachowaniu się Danji w rzeczy rozejmu, że taż wiadomość polega na oznajmieniu odpowiedzi duńskiéj na przełożenia austrjacko-pruskie. Lecz—dodaje tenże dziennik—rzeczona odpowiedź nie obejmuje stanowczego przyjęcia tych przełożeń.

BERLIN, czwartek 17 marca wieczorem. Czytamy w Północno-niemieckiéj Gazecie:

„Spółcześnie z depeszą wiedeńską oznajmującą przyzwolenie Danji na konferencję, otrzymane wiadomości wprost z Londynu, donoszą, że nic niewiedziano tam jeszcze o gotowości Danji do zgodzenia się na rozejm. Zajęcie wyspy Fehmarn przez wojsko pruskie urzędowie zostało potwierdzone.

LONDYN, czwartek 17 marca wieczorem. Lord Palmerston oświadczył w izbie gmin: „Wiadomo, że rząd angielski otrzymał przystąpienie Austrji i Prus na doradzaną konferencję. Rząd oczekuje teraz na urzędową odpowiedź Danji. Istnieją uzasadnione powody do nadziei i wiary, że Danja zgodzi się na zjazd konferencji.“

DZIAŁ LITERACKI.

HELENA, WIELKA KSIĘŻNA LITEWSKA I KRÓLOWA POLSKA.

(SZKIC HISTORYCZNY).

(Dalszy ciąg. Ob. N. 26)

Liczne wojska rossyjskie, mając na swojem czele synowca w. ks. moskiewskiego, księcia, Teodora Wasilewicza Rjazańskiego, w którego orszaku znajdowało się mnóstwo wojewodów i bojarów, a w téj liczbie i litewskich, oraz pod wodzą Danjela Wasiljewicza Szczenja i książąt Worotyńskich szerzyły pogrom w ziemiach Litwy. Litewskie zastępy nie mogły się oprzeć natarczywości drużyn moskiewskich; niektore miasta, jak naprzykład Miechowsk, widząc bezowocną walkę, same poddawały się Rossjanom. Powodzeniu rossyjskiego oręża w Litwie niemało sprzyjała ta okoliczność, że mieszkańcy, szczególniéj zaś niektóre rodziny bojarskie, niewyrzekały się bynajmniéj swoich związków pokrewieństwa z Moskwą, a niektore z nich służyły nawet w szeregach cesarskiego wojska. Wielki książę Aleksander, dowiedziawszy się o niebezpieczeństwie zagrażającem Smoleńskowi, ogłosił, że zamierza rozpocząć wyprawę ze wszystkiemi swojemi siłami, lecz ogłoszenie to przebrzmiało bez żadnych następstw. Na sejmie zaś litewskim uchwalono: z powodu braku pieniędzy, wyrzec się wszelkiéj myśli o walce z Rossją i przedsięwziąć raz jeszcze stosowne kroki do zawarcia z Janem III traktatu pokoju. Rzeczywiście też, wkrótce wyprawione zostało do Moskwy świetne poselstwo. Posłami w niem byli: wojewoda trocki i ziemski marszałek litewski Piotr Janowicz Biały, i starosta żmudzki Stanisław Janowicz Gasztold. Jeszcze 6 listopada 1493 r., otrzymali oni szczegółową instrukcję, czego mianowicie domagać się mają od Cara, a w styczniu 1494 poselstwo odbyło wjazd swój do Moskwy.

Umieszczamy tutaj wyciąg z protokolarnego opisu tego poselstwa. (*) Naprzód toczyły się rozprawy o wynagrodzenie szkód zrządzonych w Litwie przez Jana; ziemie i miasta, które należały do Litwy za czasow Witolda, Zygmunta i ojca Aleksandra, Kazimierza, mają i nadal należeć do Litwy; co zaś oddawna było w posiadaniu Rossji, i nadal do niéj należeć powinno. Poczém pokój i sojusz niechaj panują między obu państwami. „A gdy to za pomocą boską między nami nastąpi, wówczas wszystko zapanuje między nami, stateczna miłość, i dobre stosunki i wieczna przyjaźń, jak to miało miejsce za dziada naszego, wielkiego księcia Witolda.“ Dla tém mocniejszego zaś utwierdzenia przyjaznych stosunków, Aleksander prosi Jana o rękę jego corki: „kiedy taka jest wola boska, pragnęlibyśmy przy pomocy bożéj lepszego z tobą pożycia i wiecznie trwałéj przyjaźni; podobało się widocznie Bogu, ażebyś dał

(*) Акты относящіеся въ исторій Западной Россіи, собр. и изд. Археогр. коммиссіею Спб. 1846 Т. I-й (1340—1506) Стр. 134, N 114.

то воля Божья, абы еси далъ за насъ дѣвку свою абыхмо въ лѣпшой въ кровной пріязни и въ лѣпшомъ житьи были съ тобою, потому, какъ дѣдъ нашъ, великій князь Витовтъ, въ такомъ звѣзаньи (союзѣ) былъ съ твоимъ дѣдомъ съ великимъ княземъ Васильемъ.“ Посламъ отвѣчали, что возвращенныхъ отъ Литвы земель не отдадутъ, потому что эти земли издревле принадлежали Россіи; что только пользуясь невзгодой Русской земли Литва ихъ захватила и что Іоаннъ, употребляя титулъ: *Государь всея Руси*, называетъ себя *Государемъ того, чѣмъ, по милости Божіей, владѣетъ въ самомъ дѣлѣ*. Долго, по обыкновенію продолжались пренія пословъ. Когда приступили къ объявленію уступокъ, дѣлаемыхъ Россіи со стороны Литвы, бояре отвѣчали посламъ:

„Вы намъ уступаете не свое, а наше, исконное наше.“ На эти пренія, Іоаннъ терпѣливо смотрѣлъ со стороны. Наконецъ послѣ одиннадцати продолжительныхъ и шумныхъ засѣданій, составленъ трактатъ о вѣчномъ мирѣ, который, бывъ представленъ Царю, удостоился его одобренія и затѣмъ посламъ назначена была вторичная аудіенція, у Царя. Тогда литовскіе послы, согласно придворному этикету, представили прошеніе о соизволеніи имъ вступить въ переговоры относительно выдачи старшей дочери его Елены за ихъ великаго князя Александра. Іоаннъ на это согласился, и положилъ только одно непремѣннымъ условіемъ, что Елена *сохранитъ свое православіе*. „Дочери моей надобна особенная придворная церковья говорилъ Іоаннъ посламъ литовскимъ, при первомъ переговорѣ о сватовствѣ.“ Послы обѣщали все безпрекословно исполнить, относительно вѣры, согласно Царскому желанію. И утвердивъ это условіе честнымъ словомъ, обѣщали привезти особую о томъ грамоту Александра, что потомъ, въ Москвѣ же клятвенно и подтвердили. Исполнено ли это было и въ какой мѣрѣ и какія отсюда возникли послѣдствія мы ниже сего увидимъ.

6 февраля, они были приглашенены въ покои Царицы Софіи Ѳоминичны. Тамъ въ первый разъ они увидѣли Елену, *блиставшую*, (по выраженію литовскаго историка) *полнымъ блескомъ молодости, здоровья и красоты*. Чрезъ Окольничаго она спросила у пословъ о здоровьѣ жениха. Затѣмъ совершено было обрученіе. Такъ какъ Бѣлый былъ вторично уже женатъ, то мѣсто жениха занималъ младшій посолъ Гаштольдъ. По совершеніи обычныхъ молитвъ Елена перѣменилась съ представителемъ своего жениха кольцами и крестами на золотыхъ цѣпяхъ *).

Послы литовскіе, во время пребыванія въ Москвѣ, трижды обѣдали у Царя и одиннадцать разъ съ нимъ бесѣдовали. Ихъ передъ отъѣздомъ въ Литву одарили шубами, покрытыми золотымъ атласомъ, и серебряными ковшами отъ имени Іоанна, Софіи и Елены.

(Продолж. впредь).

*) Dz. Star. Nar. Lit. Narbuta. T. 8, стр. 300; лѣтоп. Даниловича, стр. 273 и 274. Карамзинъ (Дѣла польскія), т. VI, прил. 400 и 401).

ПЕТРОЛЕУМЪ.

Къ числу естественныхъ богатствъ американскихъ соединенныхъ штатовъ принадлежатъ, между прочимъ, и и точники петролеума (минеральнаго масла), который въ послѣднее время получилъ столь важное значеніе въ жизни человѣка. Открытіе этого новаго продукта отодвинуло на задній планъ всѣ извѣстныя до сихъ поръ горючія масла; хорошо очищенный петролеумъ вытѣснилъ употреблявшееся дотолѣ для лампъ масло съ необыкновенною быстротою. На ряду съ дешевизною (относительно силы его свѣта), петролеумъ представляетъ также и ту выгоду, что употребляемыя для него лампы отличаются простотою своего устройства и потому не требуютъ, какъ это нерѣдко случается у масляныхъ лампъ, довольно цѣнныхъ исправленій. Послѣ этого выгода употребленія этого продукта очевидна сама по себѣ; но, быть можетъ, оно опасно по причинѣ его легкой воспламеняемости? какъ замѣчаютъ весьма многіе изъ противниковъ петролеума. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы приводимъ извлеченіе изъ протокола засѣданія 6-го ноября 1863 года лейпцигскаго политеническаго общества.

Въ упомянутомъ нами засѣданіи, докторъ Гирцель, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ химиковъ нашего времени и авторъ многихъ превосходныхъ химическихъ сочиненій, сообщилъ по поводу ошибочныхъ изслѣдованій петролеума профессоромъ Витштейномъ, слѣдующій чрезвычайно точный и раціональный отчетъ о его мнимо-легкой воспламеняемости.

По мнѣнію доктора Гирцеля, при всеобщемъ распространеніи петролеума, присвоеніе ему Витштейномъ и другими подобнаго свойства, можно объяснить только тѣмъ, что ими для испытанія была употреблена жидкость, носившая только по надписи на склянкѣ названіе „очищеннаго петролеума,“ но ни въ какомъ случаѣ, недѣйствительно употребляемое для освѣщенія добываемое изъ петролеума „очищенное минеральное,“ по всей вѣроятности. Неочищенный петролеумъ (т. е. въ сыромъ своемъ состояніи) есть смѣсь цѣлаго ряда горючихъ углеродисто-водородныхъ веществъ, которыя отличаются другъ отъ друга различіемъ точки ихъ кипѣнія и болѣе или менѣе сильною наклонностію къ возгаранію. Такъ одни изъ нихъ кипятъ уже при 30—40 Цел., между тѣмъ, какъ для другихъ изъ нихъ точка кипѣнія лежитъ напротивъ не ниже 400 Цел. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ легче тотъ или другой изъ этихъ продуктовъ подвергается кипѣнью или улетучивается тѣмъ и сильнѣе его наклонность къ возгорѣнію (а слѣдовательно, тѣмъ и опаснѣе его употребленіе для освѣщенія). Въ свою очередь, по мѣрѣ уменьшенія способности продукта улетучиваться, его удѣльный вѣсъ на оборотъ увеличивается.

Потому то самому, при обработкѣ сыраго петролеума и отдѣляются посредствомъ дистилированія слѣдующіе легко улетучивающіеся продукты. Первый изъ нихъ, такъ называемая нефть, или петролеумобензинъ (иначе минеральный эѳиръ, минеральный спиртъ) кипитъ при 60 Цел., при дистилированіи его, точка кипѣнія подымается до 130 Цел. Кромѣ того, онъ воспламеняется чрезвычайно легко и потому загорается, въ особенности лѣтомъ, при приближеніи къ нему на нѣкоторое разсояніе горящаго тѣла. Очевидно, что это послѣднее свойство дѣлаетъ употребленіе петролеумобензина для освѣщенія совершенно неудобнымъ, а вмѣстѣ и несчастные случаи, приписываемые ошибочно петролеуму происходятъ собственно при употребленіи этого продукта. По отдѣленіи отъ петролеума нефти, въ немъ остается еще другой, хотя и трудно уже улетучивающійся продуктъ, но при всемъ томъ обладающій наклонностію къ возгоренію въ довольно сильной степени. Такъ какъ онъ представляетъ собою суррогатъ скипидарнаго масла, то ему и присвоиваютъ названіе петролеумо-скипидарнаго масла, или искуственнаго скипидара, кромѣ того, его называютъ такъ же какъ и первый продуктъ, минеральнымъ спиртомъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи — это вещество представляетъ сходство съ каменно-угольнымъ фотогеномъ, и даже можетъ служить матеріяломъ для горѣнія въ фотогеновыхъ лампахъ; впрочемъ, такъ какъ употребленіе съ этою цѣлію петролеумо-фотогена значительно опаснѣе упоребленія каменноугольнаго фотогена, то его необходимо должно вычеркнуть изъ списка освѣтительныхъ матеріаловъ.

Только по отдѣленіи петролеумо-скипидарнаго масла и окончаніи перегонки сыраго петролеума, получается продуктъ, который, по его очищеніи, и доставляетъ драгоцѣнный освѣтительный матеріалъ, извѣстный въ торговлѣ подъ имонемъ *очищеннаго петролеума* или *парафиноваго масла* (*парафина*). Это вещество, даже при соприкосновеніи съ его поверхностью горящаго тѣла, загорается довольно трудно, и при томъ не иначе, какъ по достиженіи имъ температуры 50 Ц.; да и въ этомъ послѣднемъ случаѣ воспламененіе происходитъ не иначе, какъ только при непосредственномъ соприкосновеніи масла съ горящимъ тѣломъ. Употребленіе для лампъ парафиноваго масла представляетъ гораздо менѣе опасности, чѣмъ употребленіе для нихъ значительно легче воспламеняющагося каменноугольнаго фотогена. Хорошо очищенный петролеумъ можно поставить въ одномъ ряду съ солнечнымъ масломъ, какъ это не трудно вывести изъ слѣдующисъ данныхъ.

Лучшій каменноугольный фотогенъ закипаетъ при 145 Ц; вслѣдъ затѣмъ его точка кипѣнія подымается съ необыкновенною быстротою до 165 Ц., при чемъ сравнительно дистилируется очень слабо. Только при температурѣ 165°—250° Ц. совершается его болѣе полная перегонка. — Лучшій очищенный петролеумъ закипаетъ при 160° Ц; затѣмъ, подобно какъ и у перваго вещества его, точка кипѣнія подымается быстро до 200° Ц; при чемъ дистилируется сравнительно только весьма малая часть его, а болѣе полная перегонка происходитъ при температурѣ 200—300° Ц.— Лучшее солнечное масло, добываемое изъ коричневаго каменнаго угля закипаетъ при 170° Ц; точка его кипѣнія достигаетъ быстро до 250° Ц., а дистилированіе большей части его совершается при 250°—300 Ц.

Такъ какъ всѣ вещества, употребляемыя для освѣщенія, воспламеняются тѣмъ легче, чѣмъ болѣе заключается въ нихъ летучихъ вечествъ, то на основаніи приведенныхъ нами выше данныхъ, не трудно заключить, что употребленіе фотогена соединено съ большою опасностію, чѣмъ употребленіе парафиннаго масла, и въ свою очередь употребленіе этого послѣдняго нѣсколько опаснѣе употребленія солнечнаго масла. Противъ освѣщенія хорошо очищеннымъ петролеумомъ и парафиновымъ масломъ, едва ли можно привести какія либо раціональные доводы; можно смѣло сказать, что ему, на ряду съ солнечнымъ масломъ, принадлежитъ первое мѣсто въ ряду освѣтительныхъ матеріяловъ. Мы замѣтимъ только одно, для потребителя петролеума, что при покупкѣ его необходимо подвергать пробѣ и выбирать тотъ сортъ парафина, который, будучи налитъ на блюдечко, при приближеніи къ нему горящей спички воспламеняется съ трудомъ. Для подтвержденія своихъ словъ о слабой наклонности петролеума къ возгаранію, др. Гирцель въ томъ же засѣданіи произвелъ слѣдующій опытъ: наливъ парафиноваго масла въ небольшую лейку, онъ направилъ тонкую струю его, на яркое пламя помѣщенной подъ нею въ горизонтальномъ положеніи свѣчи, но масло падало въ стоявшую подъ струею чашку, не мало не воспламенялось и загоралось только съ большимъ трудомъ при соприконовеніи съ его поверхностію горящей бумажки, которая, надо замѣтить, погасала немедля по ея погруженіи въ масло. Послѣ этого опыта становится ясно само по себѣ, что всѣ случаи воспламененія масла на дальнемъ разстояніи отъ огня, ни въ какомъ случѣе не могутъ относиться къ парафину; и что, напротивъ, они были безъ всякаго сомнѣнія произведены какимъ либо другимъ неудобнымъ для освѣщенія летучимъ продуктомъ.

На вопросъ одного изъ присутсвующихъ, какъ великъ удѣльный вѣсъ хорошо очищеннаго петролеума, докторъ Гирцель опредѣлилъ его среднюю величину въ 0,804. Сильное-же обугливаніе ламповой свѣтильни, встрѣчаемое нерѣдко при горѣніи петролеума, онъ объяснилъ недостаточною чистотою парафина: по его словамъ при употребленіи хорошо очищеннаго масла подобнаго обугливанія не существуетъ.

СМѢСЬ.

— На дняхъ скончался Жанъ Бреттъ, который соединилъ Англію съ Франціею подводнымъ телеграфомъ, существующимъ и по настоящее время. Онъ устроилъ также электрическій телеграфъ между Кагліари и Алжиромъ. Компанія Средиземнаго телеграфа, которой не понравилась дѣятельность Бретта, обвинила его въ безсовѣстности; это до того огорчило несчастнаго, что онъ лишился разсудка; только предъ самой смертію возвартился къ нему разсудокъ и Бреттъ доказалъ, что всегда поступалъ честно.

nam pojąć w małżeństwo córkę swoją, ażebyśmy mogli żyć z sobą w ściślejszych stosunkach pokrewieństwa i w lepszéj przyjaźni, a w takim związku, jak żył dziad nasz wielki książę Witold z dziadem twoim wielkim księciem Bazylim.“ Odpowiedziano posłom, że zdobytych napowrót na Litwie ziem nie oddadzą, ponieważ te ziemie należały oddawna do Rossji, że tylko korzystając z niezgód panujących w ziemi ruskiéj, Litwa zagarnęła je pod swe panowanie, i że Jan używając tytułu: „Władca wszech Rossji, nazywa siebie władcą tego, czém z łaski Boga włada w rzeczy saméj.“ Długo, jak zwykle, przeciągały się narady posłów. Kiedy przystąpiono do objawienia ustępstw, czynionych Rossji ze strony Litwy, bojarowie odpowiedzieli posłom:

„Ustępujecie nam nie swoją własność, ale to co już oddawna było naszém.“ Tym sporom Jan cierpliwie przysłuchiwał się z ubocza. Nakoniec, po jedénastu długich i pełnych wrzawy posiedzeniach, zawarty został traktat wiecznego pokoju, który pozyskał sankcję cesarską, poczém naznaczone zostało posłom powtórne posłuchanie u Cara. Wówczas posłowie litewscy, stosując się do etykiety dworskiéj, zanieśli prośbę o pozwolenie im rozpoczęcia rokowań względem wydania starszéj córki jego w małżeństwo za wielkiego księcia Aleksandra. Jan zgodził się na to, kładnąc za jedyny nieodzowny warunek, że Helena zachowa swoje prawosławne wyznanie.“ „Córka moja potrzebuje mieć osobną nadworną cerkiew“—mówił Jan do posłów litewskich, przy pierwszych naradach względem tego małżeństwa. Posłowie obiecali wypełnić wszystko bezwarunkowo, co się tycze wiary, zgodnie z wymaganiem cesarskiém, i stwierdziwszy ten warunek słowem honoru, zobowiązali się przywieźć osóbny na to dyplomat w. księcia Aleksandra, co też późniéj w Moskwie oprzysięgli. Jak i o ile to było spełnioném, i jakie stąd wynikły następstwa, o tém opowiemy niżéj.

Dnia 6 lutego, wezwano posłów do pokojów Cesarzowéj Zofji Fominiznéj. Tam po raz pierwszy ujrzeli oni Helenę, jaśniejącą (wedle słow litewskiego dziejopisa) pełnym blaskiem młodości, zdrowia i wdzięków. Przez okolniczego zapytała ona u posłów o zdrowie przyszłego męża. Potém odbyły się zrękowiny. Ponieważ Biały był powtórnie żonaty, miejsce więc narzeczonego zastąpił młody poseł Gasztold. Po odprawieniu zwyczajnych modlitw, Helena dała przedstawicielowi swojego narzeczonego obrączkę i krzyż na złotym łańcuchu, otrzymawszy od niego podobnąż obrączkę i krzyż. **)

Posłowie litewscy, podczas pobytu w Moskwie, trzy razy obiadowali u Cara i jedenaście razy mieli posłuchanie u niego. Przed wyjazdem do Litwy obdarzono ich futrami pokrytemi złotogłowem i srebrnemi puharami, w imieniu Jana, Zofji i Heleny.

(D. c. n.)

**) Narbutt, Dzieje Star. Nar. Lit. T. V II Str. 300. Daniłowicz Skarbiec T. II Str. 273 i. 274. Karamzin (sprawy polskie) T. VI Dod. 400 i 401.

PETROLEUM.

Do liczby bogactw przyrodzonych Stanów Zjednoczonych, należą między innemi i źródła petroleum (oleju skalnego), który w ostatnich czasach nabył wielkiego znaczenia w potrzebach życia ludzkiego. Odkrycie tego nowego produktu usunęło na drugi plan wszystkie znane dotąd oleje palne; dobrze oczyszczony petroleum nadzwyczaj szybko wyrugował używany dotąd olej do lamp. Obok taniości (stosunkowo do siły światła), petroleum przedstawia jeszcze i tę korzyść, że się do niego używają lampy odznaczające się prostém urządzeniem i dla tego nie wymagające, co się często w olejnych lampach zdarza, zwykle kosztownych napraw. A więc korzyść używania płynu tego widoczna jest sama przez się, lecz być może, że petroleum niebezpiecznym jest z powodu łatwéj zapalności, jak ostrzegają jego przeciwnicy. W odpowiedzi na to zapytanie, przytaczamy wyjątek z protokółu posiedzenia dnia 6 listopada roku 1863, towarzystwa politechnicznego w Lipsku.

Na wyżéj wymienioném posiedzeniu doktor Hircel, jeden z najznakomitszych chemików naszego czasu i autor wielu doskonałych dzieł chemicznych, podał, z powodu błędnych postrzeżeń nad petroleum professora Wittsteina, następne nadzwyczaj dokładne i wyrozumowane sprawozdanie o jego rzekoméj łatwéj zapalności.

Zdaniem doktora Hircela, przy ogólném rozpowszechnieniu petroleum, przypisywana mu przez Wittstejna i innych, własność, daje się wytłómaczyć tém tylko, że do samych doświadczeń musieli używać płynu na flaszce tylko noszącego napis: „oczyszczony petroleum,“ ale najprawdopodobniéj nie posługiwał im do doświadczeń „oczyszczony olej mineralny,“ jaki rzeczywiście bywa brany do oświetlenia. Petroleum nieoczyszczony (to jest w pierwotnym stanie) jest mięszaniną palnych węglo- i wodorodnych pierwiastków, różniących się między sobą punktem wrzenia i mniéj lub więcéj łatwą zapalnością. Bo jedne z nich wrą już przy 30—40° Cels., wówczas, gdy punkt wrzenia innych leży nie niżéj 400° C. Jakoż, im łatwiéj którekolwiek z tych ciał ulega wrzeniu lub ulotnieniu, tém łatwiejszą jest jego zapalność, a więc i użycie niebezpieczniejsze, i przeciwnie, im zapalność ciała jest mniejszą, tém ciężkość gatunkowa staje się większą.

Dla tego też, oczyszczając pierwotny petroleum, oddzielają się za pomocą dystylacji następne łatwo ulatniające się ciała. Pierwsze, tak zwane nafta lub petroleum-benzina (mineralny eter, mineralny wyskok); nafta wre przy 60° Cels., przy dystylowaniu zaś punkt wrzenia podnosi się do 130° Cels. Prócz tego zapala się nadzwyczaj łatwo i goreje, szczególniéj latem, za zbliżeniem w pewnéj odległości palącego się ciała. Oczywista, że ta ostatnia własność czyni użycie petroleum-benzinę do oświecenia nieprzydatną, a więc nieszczęśliwe przypadki, przypisywane petroleum, zdarzają się wyłącznie przy użyciu owego ciała. Po oddzieleniu od petroleum nafty, pozostaje w nim jeszcze inne, chociaż trudniéj ulatniające się, ale jednak w dość mocnym stopniu. Że zaś przedstawia surrogat terpentynowego olejku, nadają mu więc nazwę petroleum terpentynowego oleju albo sztucznéj terpentyny, a nadto, równie jak i pierwsze ciało, nazywają je wyskokiem mineralnym. W pierwszym względzie ten płyn ma podobieństwo ze światłorodem (fotogenem) węgla ziemnego, a nawet może posługiwać do oświecenia w światłorodnych lampach; gdy zaś użycie tym końcem światłorodu-petroleum nierównie jest niebezpieczniejsze od użycia światłorodu węgla ziemnego, koniecznie więc wykreślić go należy z listy płynów oświetlających.

Za odłączeniem dopiero oleju terpentynowego i po odbyciu przepędu pierwotnego petroleum, otrzymuje się płyn, który po oczyszczeniu dostarcza bardzo cenny oświetlający produkt, znany w handlu pod nazwą oczyszczonego petroleum lub parafinowego oleju (parafina). Ten płyn, nawet przy zetknięciu z nim inego gorejącego ciała, zapala się dość trudno i nie inaczéj jak przy ogrzaniu do 56% Cels., a nawet i w tym ostatnim przypadku wybucha płomieniem tylko za bezpośredniém zetknieniem z palącém się ciałem. Użycie do lamp oleju parafinowego mniéj przedstawia niebezpieczeństwa niż użycie nierównie łatwiéj rozpłomieniającego się węglo-ziemnego światłorodu. Należycie oczyszczony petroleum można postawić na równi z olejem słonecznym, jak to łatwo wykazać z następnych danych.

Najlepszy światłoród węgla kamiennego wre przy 145° Cels., wnet punkt wrzenia podnosi się z niezwykłą szybkością do 165° Cels., a przytém porównawczo dystyluje się nader powolnie, i tylko przy temperaturze 165°—220 Cels. odbywa się zupełniejszy jego przepęd. Najlepiéj oczyszczony petroleum wre przy 160° Cels., a podobnie jak i pierwsze ciało punkt wrzenia podnosi się nagle do 200° Cels., przyczém porównawczo dystyluje się tylko mała jego część, zupełniejszy zaś przepęd odbywa się przy temperaturze 200°—300° Cels. Najlepszy olej słoneczny, dobywany z brunatnego kamiennego węgla, wre przy 170° Cels.; punkt jego wrzenia szybko dosięga do 250° Cels.; dystylacja zaś odbywa się po większéj części przy 200°—300° Cels.

Ponieważ zaś wszystkie płyny, używane do oświetlenia, chwytają płomień tém łatwiéj, im więcéj zawierają pierwiastków lotnych, na osnowie zatém przytoczonych przez nas wyżéj danych, łatwo wnieść, że użycie światłorodu połączone jest z nierównie większém niebezpieczeństwem, niż użycie oleju parafinowego, a z kolei użycie tego ostatniego jest niebezpieczniejszém od oleju słonecznego. Przeciw oświetlaniu oczyszczonym petroleum i olejem parafinowym, zaledwie można przytoczyć jakie wyrozumowane dowody; śmiało zatém powiedzieć można, że jak olejowi słonecznemu należy mu pierwsze miejsce w rzędzie płynów oświetlających. Dla używających petroleum zrobimy jedną tylko uwagę: że przy jego kupnie należy koniecznie poddać go próbie i wybierać ten rodzaj parafiny, która nalana na spodek z trudnością się zapala przy zbliżeniu doń gorejącéj zapałki. Doktor Hircel dla udowodnienia słów swoich o słabym stopniu zapalności petroleum, okazał na témże posiedzeniu następne doświadczenie: wlawszy do niewielkiéj lejki oleju parafinowego, skierował cieńki jego strumień na jasny płomień świecy, umieszczonéj pod nim w położeniu poziomém, lecz olej nie chwytał płomieni i palił się z dość wielką trudnością za zetknieniem z jego powierzchnią gorejącego papieru, który zauważać należy, natychmiast gasnął po zanurzeniu się w oleju. To doświadczenie objaśnia, że wszystkie zdarzenia zapalenia oleju w dalekiéj odległości od ognia, w żadnym razie nie mogą być przypisane parafinie, i że przeciwnie, bez żadnéj wątpliwości, owe przypadki wzięły początek z jakiejkolwiek innéj lotnéj a niezdatnéj do oświetlenia istoty.

Na zapytanie jednego z obecnych, jak wielka jest ciężkość gatunkowa dokładnie oczyszczonego petroleum, doktor Hircel oznaczył średnią jéj wagę na 0,804. Mocne zaś okopcenie szkła w lampie nierzadko zdarzające się przy paleniu się petroleum, dowodzi niedostatecznéj czystości parafiny; przy użyciu zaś dobrze oczyszczonego oleju, według słów jego, kopcenie nie ma miejsca.

ROZMAITOŚCI.

— Niedawno umarł John Brett, który złączył Angliję z Francją telegrafem podwodnym, istniejącym i dzisiaj. Brett urządził też telegraf elektryczny między Cagliari i Algierem. Spółka telegrafu śródziemnego, któréj się czynność Bretta nie podobała, obwiniła go o niesumienność, co tak zmartwiło Bretta, że biedak postradał zmysły. Przed śmiercią tylko wrócily mu jasne chwile i Brett przekonał, że zawsze postępował uczciwie.

От Виленскаго цензурнаго комитета, имѣющаго помѣщеніе на Большой улицѣ въ домѣ управленія Виленскаго учебнаго округа, симъ объявляется бумажнымъ фабрикантамъ, что въ ономъ комитетѣ будетъ продаваться, на основаніи предложенія г-на министра внутреннихъ дѣлъ, негодная изъятая изъ общихъ дѣлъ архива Виленскаго цензурнаго комитета бумага, для употребленія на фабрикахъ. Почему желающіе участвовать въ этихъ торгахъ благоволятъ явиться къ онымъ 26 сего марта съ надлежащими залогами, узаконенная коимъ переторжка послѣдуетъ въ слѣдующіе три дня. Г. Вильно 6 марта 1864 г.

Предсѣдательствующій *П. Кукольникъ.*

1—91

От главнаго управленія имѣній князя Петра Витгенштейна въ г. Вильнѣ на Виленской улицѣ въ домѣ Гликсберга, объявляется, что состоящее Минской губерніи въ Минскомъ, Борисовскомъ и Игуменскомъ уѣздахъ Смолевичкое имѣніе, съ мѣстечкомъ Смолевичи и 4 фольварками, въ 30 верстахъ отъ г. Минска, на почтовомъ трактѣ въ Москву и вмѣстѣ съ тѣмъ на рѣкѣ Березинѣ, входящей въ составъ канала, отдается въ арендное содержаніе съ 24-го іюня сего 1864 года нераздѣльно или частями. Пашни 2066 морг., сѣнокосныхъ луговъ 720 морговъ. Дохода получается 6.000 руб. въ годъ, за исключеніемъ оброковъ съ крестьянъ.

1—

Купцомъ III. *Нейманомъ* издана и напечатана книга, подъ заглавіемъ: MIESIĄC MAJ, Najświętszéj Panne Marji poświęcony, ułożony przez X. Pinarta, autora dzieł: Głos duszy, Ogień miłości, i w. i. Цѣна 35 коп. сер. Получить можно у издателя, и въ книжномъ магазинѣ г-на М. Оргельбранда.

4—

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВИЛЕНСКОЙ ОБСЕРВАТОРІИ.

		въ 6 ч. утра	въ 2 ч. по пол.	10 ч. вечера.
Марта 7-го. . .	Барометръ	29 д. 2,2 л.	29 д. 6,3 л.	29 д. 6,0 л.
	Термометръ	— 4,6	+ 2,5	—1, 0
	Вѣтеръ	С. З. Слабый	З. Слабый	Ю. З. Слабый
	Сост. атмос.	Облачно	Облачно	Облачно
Марта 8-го. . .	Барометръ	29 д. 5,4 л.	29 д. 5, 2 л.	29 д. 6, 1 л.
	Термометръ	— 2,0	+1, 0	— 2,0
	Вѣтеръ	З. Слабый	З. Слабый	С. З. Слабый
	Состояніе атм.	Облачно	Пасмурно	Ясно
Марта 9-го. . .	Барометръ	29 д. 6,8 л.	29 д. 6, 0 л.	29 д. 1,0 л.
	Термометръ	— 6,0	—1, 0	— 2, 0
	Вѣтеръ	Тихо	С. З. Слабый	С. З. Слабый
	Сост. атмос.	Ясно	Облачно	Ясно

Дозволено Цензурою.— Вильно, 9-го марта 1864 года.

Въ типографіи А. К. Киркора.